

ВАДИМ ЧЕРНОВ

ОРАНЖЕВЫЙ ДЕНЬ

Из романа «Королевский краб»

«Спустишь-ка в море,—
уговаривала меня акула,—
и ты узнаешь, что такое реальность».

(Г.Уэллс. «Мистер Блетсуорси
на острове Ремполь»).

— Боцману на бак! — раздалась команда из динамика, и она разбудила смертельно уставшего Серегу. Но Серега не огорчился, в голосе вахтенного штурмана было столько морской категоричности и столь милого Серегинуому сердцу металла, что он крепко зажмурил глаза, открыл их. Темно, ничего не видно в каюте и тихо, если не считать журчания воды в той стороне, где иллюминаторы, и вполне человеческого храпа Кости, который спал напротив Серегу. Другие жильцы каюты,— как мертвые: конопатый Вася-богатырь и бородатый Василий Иванович, моторист их «семерки», мужик лет сорока, человек закаленный и в море — половину жизни. Того, кто на диване свернулся калачиком, считать нечего. Петро не из команды «семерки», появился в каюте недавно и тут, на диване, не заживется. Вот устроится на «процесс», у него начальник конкретный будет, и начальник выбьет для него у пятого помощника капитана постоянную койку. Но Петр, быть может, на плавбазе не задержится, потому что его тянет на траулер-разведчик, на «Абашу», откуда ушли два или три матроса, люди, попавшие в море впервые, они не вынесли качки.

— Боцману на бак! — повторил, со вкусом вслушиваясь в раскаты собственного голоса, вахтенный штурман Базалевич. — Майна помалу якорь-р-рь!

А Серега, который уже совсем проснулся, вытянулся на койке —

осталось немного до подъема — и мысленно представил себе, как он, вместо штурмана, сказал это тоном, не терпящим возражений: «Боцману на бак! Майна якорь!» и как он, а не Алексей Георгиевич на вахте, положил микрофон, прошел мимо штурвального, ревниво покосившись на последнего и на компас. Никогда не вредно лишний раз убедиться, точно ли по курсу дрейфует судно, не надо ли дать машинами чуть вперед или назад, или влево или вправо? Поставить плавбазу неподалеку от своих сетей, не напороться на чужие, не сбить вешки — вот что главное, а потом, когда зайдет капитан-директор флотилии, можно вежливо, но немного небрежно, чуть-чуть лихо отрапортовать:

— Илья Ефремович, смайнали якорь. Пять связок на дно положили, пожалуй, хватит, тут грунт вязкий и течение несильное. Справа по борту полкабельтова, не больше, начинается порядок сетей первого мотобота, слева от кормы в двух кабельтовых, если не ошибаюсь, японская вешка.

Капитан, грузный, важный, медлительный Илья Ефремович кивнет головой. Он знает, когда на вахте Сергей Иванович, можно и не проверять, но он все равно проверит. Не глядя протянет руку, не глядя возьмет у штурмана бинокль и начнет искать в предутренней мгле вешку «азика» и японскую тоже. А потом на мостик поднимется, спотыкаясь о высокие ступеньки, заспанный завлов, совсем

мальчик, но власть ему доверена огромная. Половина экипажа краболовной флотилии подчиняется ему, он — царь и бог всех добытчиков. Это сотни ловцов, распутчиков, постановщиков сетей и вся

никак не найдет проход между нашими сетями и японскими. Увидел, что я сержусь, и пошел звать на помощь Сергея Ивановича, а Сергей Иванович, вот бродяга, живо нашел и докладывает:

РИС. В. ГУКОВА.

хозкоманда.

«— Когда на вахте Сергей Иванович, — скажет восхищенно завлов, — всегда морской порядок. Ведь это надо так точно поставить базу! Ночью, когда ничего не видно, а в локатор вешки не удержишь.

— Не удержишь, — согласится капитан, — но у Сергея Ивановича глаза, как у рыси, и лучше. Помните, прошлый раз мы пришли на это южное поле в туман, а на вахте был этот... как его?

— Базалевич, — подскажет Серега, который завидовал Алексею Базалевичу, потому что у Базалевича жена-красавица, одна из врачей флотилии. И, главное, верная жена, влюбленная, как кошка, в тощего конопатого Лешку.

— Во-во, Базалевич Алексей Георгиевич, — продолжит капитан, — превосходный моряк, должен вам сказать. Хожу в море с ним второй десяток лет и ни в чем не могу его упрекнуть. Лихой человек, а стал брать на путину жену, словно оробел. Рисковать перестал, ответственности избегает. И тот раз, когда мы пришли на юг, уже светает, туман не расходуется, а он бродит вокруг полей,

«Справа японские вешки, слева нашей семерки». Ну, смайнали якорь, туман тут разошелся, глядим, точно стоим, посередине!»

Мечтал бы еще долго Серега, он любил мечтать, рисовать в воображении картину за картиной своего недалекого, как он считал, штурманского будущего, но явь — это настоящее! А в настоящем Серега был рядовым ловцом с седьмого мотобота и в дверях каюты, перешагнув одной ногой комингс, стоял широкоплечий с бронзовым лицом Карпович, старшина.

— Что вы, хлопцы, а? — спросил старшина негромко, глухим голосом и сглотнул тот комок, который всегда у него становился в горле, когда он волновался, и мешал ему орать, произносить длинные фразы. — Хлопцы, а?

Серега был наблюдательным человеком, да к тому же он не спал, а мечтал в полудреме, и он первым заметил, что лицо Карповича бронзовее обычного.

— Елки-палки, — забормотал он, соскакивая на пол, — ребята, подъем, опять, елки-палки такие зеленые, проспали! Опять!

Чутье подсказало Сереге, что на этот раз промедление, особенно лично для него, подобно смерти. Нельзя было и десяти секунд оставаться лицом к лицу со старшиной, который сумел подавить первый приступ ярости и туг же почувствовал приближение второго. Карповича насторожила суетливость Сереги, то, что Серега спрыгнул с койки так, словно он давно не спал.

— Ты,— сказал старшина и протянул вперед тяжелую сильную руку, чтобы положить ее на плечо Сереги. Старшина предпочитал вести крупные разговоры, имея физический контакт с собеседником.

— Ты,— повторил Карпович, и не успел поймать плеча своего помощника, который выбежал в туалет с мылом и полотенцем.— Ладно, всем вставать. Подъем, бичи!

Последние два слова старшина не проговорил, а проревел, словно иерихонская труба, словно дело происходит не в маленькой каюте-четырёхместке, а на море и в шторм. С мощным рыком вышла наружу и мощная ярость Карповича. И вновь он стал добродушным, степенным на вид человеком, каким его обычно привыкли видеть на судне все...

Жильцы десятой моментально проснулись, а Серега в туалете испуганно пригнулся, подумал впервые за все время, что старшина не из тех, с кем он лично никогда, никогда связываться не будет. «Сильный человек,— влюбленно подумал Серега. — Морской, крепкий мужик». Тут в туалете появился Василий Иванович. Борода у него была растрепанная, лицо помятое и красное, а губы серые.

— Что, бил тебя этот крокодил? — деловито спросил Серега.

— Дурак ты, хоть и будущий штурман,— с тоской отвечал моторист. — Женька себе этого никогда не позволит, а если позволит, то не бить, убивать станет и тогда — прощай мама, откидывай коньки в гору!

— Во-во, сам говоришь, опасный он человек. Говорят, я слышал, он сидел в тюрьме?

— Было дело давно. Таких, как ты, бичей во Владике отметелил. Хорошо отметелил! Их пятеро, а он один, если меня не считать, но справился.

— Значит, ты тюрягу нюхал?

— Нет, Женька дрался, а я нет.

После такого ответа Серега почувствовал в себе презрение к мотористу, который действовал не поморскому. Женька один с пятерыми дрался, он был рядом и не пришел к нему на помощь.

— Сука ты, Василий Иванович,— твердо сказал Серега,— меня бичем называешь, а сам который день в своей будочке у мотора греешься. Мы уродуемся у стола, краба бьем до посинения, а ты там греешься, не выйдешь помочь на ветер, на холод. Тебя водичкой окропило бы, как нас, мозолей набил бы парочку...

— Молчи, салага, — беззлобно сказал моторист, — мне сорок, а тебе вдвое меньше. Я себе мозолей наработал за двадцать три года на крабовом промысле. Сейчас же, пойми, неможется мне, зря, видать, пошел на эту путину.

— Точно, зря. Чуть не вся команда да против тебя настроена, и если в о глаза об этом тебе не говорят, то потому, что Женьку боятся. Он за тебя горой.

— Есть такое, потому что справедливый, учителя своего уважает,— Это ты его учитель?

— Я,— с гордостью ответил Василий Иванович и закашлял, забухикал, как обычно по утрам. Это был кашель заядлого курильщика.

— Я,— с гордостью повторил моторист.— Мы с ним оба из-под Адлера. Ну, сюда на Восток я подался на пять лет раньше его и стал краболовом, а потом Женька приехал, совсем салага, зеленый, робкий. Я ему говорю: «Пойдешь со мной в море?» Отвечает: «Пойду!» Пошли мы оба к старшине моему, а был у нас старшина — хохол, упрямый черт! «Нехай,— говорит, — твой земляк на разных работах поупирается, потом в море, поглядим, можа, и возьму». Это сейчас, скажу тебе, берут в ловцы, кто захочет, еще и уговаривают, а раньше — дудки! Докажи, что ты морской человек...

— Амба,— сказал Серега. — Мы и

так проспали, закругляйся!

Вернувшись в каюту, они увидели, что Карпович уже ушел, а Вася и Костя натягивали на себя оранжевую робу.

— А умываться? — спросил Серега.

— Кому что, — ответил конопатый Вася. — Кто умывался, кто завтракал. Мы и вам завтрак взяли.

— Спасибо, — обрадованно сказал Серега, увидев на столике две булки с маслом и кусочки сыра. — Это мы с мотористом на ходу, а вы считайте, что мы умылись и за вас.

Поднимаясь на палубу, они услышали рокот лебедек, визг тросов и глухие всплески воды, в которую падали один за другим боты.

— Знаете, что я вам скажу, хлопцы, — говорил на ходу Серега Косте и Васе, и торопливо жевал булку с маслом, грыз крепкими белыми зубами высохший сыр. — Вы знаете, что я скажу?

— Что? — лениво пробасил Вася.

— У меня есть проклятая привычка с детства: умываться, чистить зубы в любых условиях и в любое утро. Бывало, в школу опаздываю, на лекции в мореходку, тогда без сожаления жертвую завтраком, но умываюсь и чищу зубы. А вот вы, я вам удивляюсь!

— На голодное брюхо работать худо, — убежденно сказал Костя, а потом минутой позже, уже прыгая в бот, он крикнул бортовому:

— Витек, не забудь, как подойдем к базе с первым уловом, брось две-три буханочки ржаного, а ко второму крабца охапochку сваргань!

Первый самый утренний строп крабов на семерке взяли с двух перетяг сетей, а в каждой перетяге пятьдесят сетей, каждая сеть длиной в 30—40 метров. Это было неплохо, но дальше крабов пошло больше. И главное, что особенно радовало ловцов, почти не было прилова, т. е. самки и молоди. В дели ворочались крупные, как на подбор, самцы по два-три килограмма. Серега бил их своим аккуратненьким с плексигласом ручкой крючком и приговаривал:

— Между глаз — раз и в торбу. Между глаз — раз...

Вася Батаев был на лебедке, которой поднимают со дна порядок сетей. Лебедка поскрипывала, шла без пробуксовки. Вася подхватывал сеть и вместе с самым молодым членом экипажа Олегом Смирновым подавал ее на стол, около которого по трое с каждой стороны стояли ловцы. Они били крабов и выпутывали их из сети. Костя был «на подхвате». Он укладывал мокрые сети во второй трюм, отвязывал вешки, крупные с человеческую голову наплава. Улов же складывали в первый трюм и на нос, пока навалом, а как положено — рядами, брюхом вверх — будут укладывать позже, во время перехода к плавзаводу. Костя следил лишь за первым внешним рядом и за углами, иначе при подъеме строп может развалиться. В углы он укладывал самых крупных крабов.

Карпович стоял на корме, широко расставив ноги, и рулил, следил за ходом бота. Бот должен идти с той скоростью, с какой выбирается сеть. Старшина был в яловых высоких рыбацких сапогах, в ватных брюках и в телогрейке нараспашку. На голове рыжеватая шапка из нерпы, которая два года назад попала сдуру в сети семерки и продолжила свою жизнь в ином качестве, бездушной, но очень удобной для рыбака вещь. Карпович курил «беломорины» одна за другой, поглядывал на компас, на горизонт и через каждые полчаса брал из рубки Василия Ивановича телефонную трубку, выходил на связь с базой.

— Семерка, семерка, — верещал далекий завлов с мостика, — как дела? Прием.

— Норма, — односложно отвечал старшина. — Норма, говорю. Прием.

— Женя, у нас тоже норма, но от связи не уклоняйся! Пока! Вызываю «азик». «Азик», ты слышишь? Прием.

Серега, иногда поглядывая на старшину, стал размышлять о том, что на свете еще довольно много несправедливого. Вот, например, старшина стоит себе на корме, правит ботом, иногда прибавляет газу или убавляет и курит когда захочет, а они, ловцы, упираются. Но, конечно, и там и здесь работа, только разная, и разная оплата. Вот они привезут

краба, который попал в их сети. Это сырец, платят не за него, а за продукцию, за консервы. Старшине положено 21 рубль за сто ящиков консервов, рядовому ловцу — четырнадцать. Хорошо, что Сереге повезло и он зачислен в штат как помощник, на-два рублика меньше получает он, чем Карпович за каждые сто ящиков.

Вот так и получался у Сереги, нелепый вывод: платят не за работу, а за должность, которую ты занимаешь, и выходит, надо устраиваться, чтобы поменьше вкалывать и побольше получать. У Карповича руки не болят, не ноют по ночам, и не мажет он руки китовым жиром, не бинтует кисти. Это ему ни к чему. Он — старшина, капитан на боте и может спокойненько смолить папиросу за папиросой, поглядывая, как работает его команда.

— Жень, а Жень,— сказал Серега, желая быть смелым и в то же время не разозлить Карповича,— что-то ты затюкал своего помощника. Давай сменимся. Я порулю, а ты на мое место.

— Давай, — спокойно сказал Карпович и бросил окурок за борт.— Только не вилай, веди бот прямо и скорость по лебедке держи.

Из рубки высунулся моторист Василий Иванович, чумазый, бледный и с красными пятнами на лице. Закашлял надолго, а потом сказал:

— Каждый сверчок — знай свой шесток.

— Мы коллектив спаянный,— возразил Серега,— и взаимозаменяемы. Хочешь, тебя подменю? Вот тебе крючок, шуруй, а я у тебя в рубке как-нибудь разберусь, где карбюратор, где акселератор, свеча, bobина. Знаю, только корочек моториста не имею.

Василий Иванович грубо, по-моряцки выругался, Серега рассмеялся и пошел по правому борту, хватаясь руками за низкие леера, на корму и встал на место старшины. Ему было весело, как-то легко на душе оттого, что он вот такой — смелый, дерзкий, работающий,— и оттого, что ему давно хотелось разогнуть спину, сбросить с рук мокрые перчатки, без которых не возьмешь шипастого краба, и,

наконец, оглядеть бескрайнее Охотское море.

— Парадом команду я,— крикнул он, дурачась, с кормы и невольно дернул ручку газа на себя. Мотор внутри бота взвыл, набирая обороты, «семерка» рванулась вперед.

— Ну, — проворчал Карпович около стола,— тише...

Быть может, он еще что-либо сказал бы, и быть может, согнал бы Серегу с кормы, но его внимание и внимание других переключилось на воду за левым бортом, на сеть, которую кто-то в глубине могуче дергал и водил кругами.

— Хлопцы! — воскликнул Костя,— или тюлень в сети, или добрая рыба!

Но в сетях оказался не тюлень, а громадный палтус килограммов на семьдесят. Это была редкая добыча. Вообще, в крабовые сети довольно часто попадают крупная камбала, бычки. Особенно охотские бычки по полпуда весом, но их на флотилии презирали. А вот палтус...

— Осторожно, ребята,— волновался старшина, которого охватил азарт,— не упустить бы. Мы его кандеям сдадим и вечером славно попируем.

Дюжий Вася ухитрился подцепить рыбину багром и один вытащил ее на борт. Затем палтуса впятером перетащили на нос, привязали веревкой и для верности еще навалили на его черную спину килограммов сто цементных грузил. Василий Иванович, желудок которого уже отказывался переваривать ежедневно одно и то же — пшеничную кашу,— стал рассказывать, какая вкуснятина — вяленый палтус, но не плох он и жареный. Лишь Василий Иванович да Карпович ловили раньше такую крупную рыбу, для остальных это было впервые.

— Это же кабанчик,— ахал Костя.

— Телок, — поддакивал ему Олег Смирнов, — неужели крупнее бывают?

— Бывают, — вдруг сказал Вася, — я таких и крупнее ловил на удочки у берегов Канады. Раза три попадались крупнее, а вот наш стармех их ловил, когда хотел. Он на ночь ставил две удочки из миллиметровой жилки, и утром у него на крючках висели два палтуса.

— А на что он ловил? — спросил Костя,— на крабовое мясо?

— Нет,— усмехнулся Вася,— на бутылку.

— На бутылку?

— Я тоже не верил. Я надоел стармеху, все скажи да скажи, на что ловишь? Ящик водки ставлю, только скажи! И однажды он открыл мне свой секрет. Иду как-то вечером по палубе, стармех навстречу. «Стой, говорит, Василь! Ящика водки мне не надо, а ежели две столовой у тебя в заглазнике есть, узнаешь мой секрет, порыбачим ночью и по палтусу точно с кормы вытащим». Я, конечно, бегом в каюту, там в чемодане заветные были. Беру — и на палубу. Стармех сунул бутылки в карманы, удочки берет, и идем мы на корму. Он разматывает удочки и аккуратно привязывает к каждой по бутылке. У меня — шары на лоб! Он оглядывается, чтобы никто не увидел, на что ловим мы, говорит: «Спокойно, Василь, завтра раненько утром мы снимем с крючков своих законных палтусов».

— И что?— спросил Смирнов.

— Знаю эту байку,— вдруг рассмеялся моторист,— в Бристольском заливе около берегов Аляски так ловили знакомые ребята — краболовы. Стоят на якоре, а ежели неподалеку американцы, канадцы, смело лови на бутылку, только чтобы помполит не видел. Морской ченч называется. Их водолазы на крючки палтусов добрых цепляют, а русскую водку себе. И нам хорошо и им, нарушения закона нет!

Вся команда «семерки» залилась смехом.

— Вот байка, так байка! — чуть не рыдал от восторга оранжевый Серега на своей корме.— Знаменито траванул, Вася, по-моряцки!

Не смеялся только старшина. Он почувствовал некую перемену вокруг. Точнее, не он почувствовал, а его некогда сломанная нога. Она вдруг заныла, хотелось ее сильно-сильно вытянуть и даже стукнуть. Старшина понял, что происходит резкая смена атмосферного давления. Он глянул на часы, было немногим больше двенадцати, потом глянул на море, на небо.

Море ласково искрилось, дробя солнечные лучи. Оно было прежним и спокойным, а окраска неба чуть-чуть изменилась. Вместо глубокой синевы в нем появилась едва уловимая белизна.

— Серега! — крикнул старшина на корму,— через десять минут выходи на связь с базой.

Потом он немного подумал, и подумал он о совершенно постороннем — о Владивостоке, о доме. Ему вдруг необычайно сильно захотелось там, а не здесь быть и взъерошить волосы на голове сына Федьки, а потом лечь на диван и крепко уснуть.

Он помотал головой, отгоняя навяждение, и положил руку на плечо Василия Ивановича.

— Ты того... чтобы двигун был, как всегда, в порядке.

Этого можно было и не говорить мотористу «семерки». Василий Иванович был из тех, на кого можно положиться. Они оба промышляли краба не первую путину и попадали в добрые переpleты, и не было еще случаев за много лет, чтобы на воде у Василия Ивановича заглох мотор, чтобы в море кончилось горючее. У других и кончалось горючее, и глохли моторы, и мотористы не были виноватыми. Просто так получалось, потому что двигатели на ботах не особые, а обычные, серийные. И баки с горючим имеют ограниченный объем.

Через десять минут, ровно в половине первого, Серега вышел на связь с базой, но база молчала. Серега слышал лишь треск и шипение, так, словно рядом около уха зажгли костер.

— Женя, база молчит, — сказал Серега старшине.

— Так,— сказал старшина,— ничего, выйдет на связь через полчаса, но ты, друже, прилипни к рации и не отходи, пока я не велю.

Скрипела лебедка, тархтел мотор, мелькали руки, росла гора крабов на носу, и заполнялся трюм. Экипаж «семерки» продолжал работать, как обычно, до седьмого пота. Олег Смирнов работал и руками и языком. Он доказывал старшине, который мучительно размышлял, надевать

всем спасательные жилеты сейчас или потом, что на крабовой путине невыносимые условия, что на рыбе легче, на промысле китов легче.

— Возможно, возможно, — бормотал Карпович.

— Да не возможно, Женя, а точно, — горячился Олег. — Я лично второй раз на краба не пойду. Я домой так и написал: «Наконец узнал, где зимуют раки». Ну, узнал и хватит. Я не такой железный, как ты, Женя. У тебя это семнадцатая путина. Ужас! Ты жизни не видел!

— Возможно, возможно, — бормотал старшина.

Работали и перекидывались словами Костя с Васей. Они говорили о разном.

— Глянь, вот крабище! И какой-то оранжевый. Если вытянуть лапы, метра полтора будет.

— Буза. Я читал, японцы у своих берегов чудо поймали — пять метров!

— Слушай, а крабы никогда не откусывали кому-либо палец?

— Будто нет. Они ж медленные, ленивые, а в воде — быстрые.

— А я, когда их первый раз увидел, так испугался. Как, думаю, за что их хватать? Все норовил не за клешни. Потом, на базе уже, взял со стропа живого краба и сунул ему в клешню лезвие ножа. Так он, гад, не сжимает.

— Надо было бы ему под брюхом пощекотать.

— Он все равно сжал. Наехало на него — и сжал. Веришь, сталь захрумтела, щербинки на жале остались, а клешне — ни хрена!

— Это он может. Сильная животины.

— Какая животины? Растение!

— Ну, не знаю, Максим Иванович, правый крабовар, мужик умный, говорит, что краб — ни то ни се. От растений ушел, а к животным не пришел.

— В общем, ни рыба, ни мясо. Но вкуснее того и другого. Сказано, деликатес!

— А меня мутит от него. Не могу много съесть. Вот обдомины жареные — это вещь! Как курятина, только нежнее. Давай сегодня вечером сварганим, нажарим

обдомин?

— Сегодня палтусятина. Забыл?

— Да, сегодня рубанем палтуса и спать. Сколько на этом поле наших сетей стоит?

— Витька-бортовик говорил, что 260. Пять перетяг.

— Три перетяги выбрали. И еще обеда нет. Сегодня рано кончим и краба хорошо возьмем. Тонн десять. Это, значит, ящиков пятьдесят консервов получится, и два червонца в кармане.

— Небось доволен, когда заработок. Но ведь не всегда так.

— Пока идет. Куда лучше, чем в том месяце. В том месяце я домой жинке сто выслал, а в этом, может, и все двести. А ты послал своей?

Вася нахмурился. Послал ли он? Нет. Хотел послать, но Светка его опередила, алиментщиком сделала. Так что вычли, у него не спросили. Конечно, ничего страшного, но обидно. Выходит, Светка не верит ему?

— Моя геологиня, — Вася слабо улыбнулся, — моя геологиня под дуду своей мамаше пляшет. Не теща у меня, а зверь. Все ссоры со Светкой из-за нее. И на берегу я зарабатывал не меньше, чем здесь.

— Ты, брат, оплошал, когда женился. Надо было бы как я. Женился в одной деревне, в ней оставил тещу, а с жинкой уехал в другую. Рог называется. Хорошая деревня, в лесу, рядом озеро. Дом себе поставил пять на пять. Корова, два телка, кабанчик...

— А на Восток чего двинул при таком недостатке?

— Виру-майну знаешь? Федька, мой дружок, тоже из деревни Рог. Так он сманил. Поехали, говорит, свет поглядишь, на машину не знаю, а на тяжелый мотоцикл зарабатываешь. Жинка не возражала, вот и поехал.

Незадолго до обеда капитан Илья Ефремович оделся в телогрейку и решил совершить обход судна. Обычно такие обходы он совершал один, без всяких спутников. Молча он спустился с мостика, молча прошел по верхней палубе, которая была густо уставлена стропами с крабом от третьего трюма до бухгалтерии. День был

на диво теплый, пекло несильное камчатское солнце, и крабы дымились: то испарялась влага на них. Заметив капитана, приемщик Савченко бодро, забыв, что ему под шестьдесят, метнулся к правой крабоварке и схватил шланг, врубил вентиль на полную. Над палубой поднялся мощный столб морской воды, и она падала на крабов плотным дождем — так необходимо сохранять сырец в жаркую погоду. Илью Ефремовича, податчиков да просто рабочих, бегающих по палубе, замочило. Капитан не сказал ни слова, а податчики заорали на приемщика:

— Ну, старый дурак, предупреждать надо!

Приемщик с немым укором глянул на проходившего мимо капитана, но тот никак не реагировал, не стал защищать приемщика. Илья Ефремович по опыту знал, что лучший способ управлять людьми — не вмешиваться в мелочи, не употреблять свою огромную власть по любому поводу. И еще одного принципа он придерживался твердо — лучше давать распоряжения кому-то через кого-то.

В одном месте капитан остановился и заговорил с человеком, которого глубоко уважал, с крабоваром по правому борту.

— Как, Максимыч, не устали?

— А что мне сделается, Ефремыч,— отвечал старый крабовар,— сижу, палкой шурую, за температурой слежу, за скоростью. Идет дело помаленьку!

— А кости не ноют, Максимыч? Старые раны не дают себя знать?— спросил капитан, оглядывая бывшего солдата так, словно видел его впервые.

— Кости, Ефремыч, ноют, будто к шторму, а только штормом и не пахнет. Видать, мой прогноз на отдаленность, днями сбудется.

Капитан посмотрел на море — легкая зыбь, и только, солнце дробится в воде, играет, делает воду живой и ласковой. Неужели все это обманчивое? Неужели эту умиротворенную красоту может нечто могучее, дерзкое и своевольное взбалмутить, сделать свинцовой и неудобной? Капитан знал Охотское море лучше, чем свою жену и чаще видел его громахающим, вздыбленным, чем таким,

каким оно было сейчас. В его представлении оно и не могло быть иным. Лишь дыхание Севера могло сковать Охотское, да и то оно сопротивлялось обычно не одну неделю, ломая льды, нагромождая их вереницей искристых торосов, и лишь под ними успокаивалось до следующей весны.

— Тут два варианта,— сказал капитан крабовару и скупой, одними глазами, улыбнулся,— то ли будет, то ли нет, то ли дождик, то ли снег. Но лучше не надо, может поломаться план. Мы идем тык в притык из-за дурацкого начала путины.

— Возьмем, Ефремыч,— уверенно сказал крабовар.— Мы с вами вместе ходим какой год? Седьмой, и лишь однажды не взяли. Помните, пришли, а тут ледяные поля гуляют. Уйдут, мы сети поставим, а они возвратятся и собьют вешки. Сколько мы тогда сетей на дне оставили.

Капитан хорошо помнил ту путину, когда он решил — это последняя. Ну его к черту, не работа, а карточная игра! То ловится, то не ловится краб, а план выполнять надо в любом случае.

Уйдя в себя, в свои мысли, как улитка в свою раковину, Илья Ефремович сунул руки в карман телогрейки и побрел дальше по судну, миновал третий трюм, из которого лебедчики выгружали грузила, передавали их на СРТ, пришвартованному к базе. Погрузкой командовал мастер, прозванный Жеребчиком. Он метался от трюма к левому борту, зычно кричал в мегафон: «Ви́ра, ви́ра помалу!» Затем груз майнали на палубу траулера, где бегали, заливаясь лаем, две собачки и неторопливо работали четыре матроса. Между мачтами траулера гирляндой висели завяленные рыбы. Илья Ефремович, бросив на них взгляд, сразу определил, что это крупная корюшка, жирная, нежная, с пивом — лучше не придумаешь! Капитан подумал, что, пожалуй, надо сказать старшей буфетчице Нине об этой корюшке да пусть заодно поищет в своих запасах ящик японского пива, и тогда он позовет в гости председателя судком а Петровича и стармеха — хороших людей.

На корму капитан прошел через

нижние вешала, где трудились распутчики сетей. На вешалах пахло йодом, крабами, и было сыро. Под ногами хрустели раковины, подсохшие крабьята, и алыми пятнами разливались раздавленные веточки морского винограда. Распутники работали в фартуках и в резиновых перчатках, которых вечно не хватало на путине. Они быстро рвались, за один рабочий день, а по норме обязаны быть целыми десять дней. И капитан знал, сейчас рабочие начнут ему жаловаться, показывать красные мокрые руки, потертые до крови сетями, и он, страдая за людей, стыдясь своих нерабочих рук, велит позвать кладовщика, накричит на него. Кладовщик, как всегда, будет оправдываться, пожимать плечами и все будет похоже на игру, на дурной спектакль, разыгрываемый специально для распутчиков и для их успокоения. Капитан знал, что кладовщик не при чем. Он может выдавать и по две пары перчаток в день. Не виноваты и рабочие, они не нарочно рвут перчатки, хотя каждый зажилил по паре, спрятал в рундук, чтобы потом воспользоваться ими на берегу, дома. Но есть норма, есть нормировщик — сопливая девчонка с толстой книгой, где все указано, расписано. Она ограничивает всевластие капитана, который, однако, время от времени плевал на инструкции и нарушал их ради людей, ради дела.

Но на этот раз Илья Ефремович миновал вешала спокойно. Он показался людям или слишком суровым, или они были слишком заняты работой. Капитан спустился по трапу вниз, туда, где громыхали конвейеры, рекой лилась морская вода—на завод. Здесь было бабье царство. Одинаково одетые в оранжевые рыбацкие робы, женщины и девушки в резиновых сапогах выбивали из панциря нежное красноватое мясо крабов, сортировали его, взвешивали и отправляли в цех на укладку. А там уж стояли мастерицы одна к одной, только мелькали ловкие руки, наполняющие красивые банки мясом. Мясо они клали не как попало, а в строгом и определенном порядке, определенным рисунком. Консервы должны быть красивыми, аппетитными на вид, когда их вскрыешь.

В цехе, где банки закатывали японские автоматы и затем отправлялись в черные пасти автоклавов, Илью Ефремовича встретил безалаберный крикливый мордвин-мастер и худой старик, начальник цеха обработки. Они перед приходом капитана были заняты тем, что периодически выбирали наугад банки готовых, закатанных консервов и ожесточенно вспарывали их, разворачивали пергамент и искали в нем дырочки. Наладчик закаточных станков стоял рядом, кричал, перекрывая шум машин:

— Видите, видите! Я тут не при чем. Бабы плохо заворачивают пакет и пергамент попадает в шов.

Оттого и утолщение по шву, герметичности нету!

Капитан вышел на верхнюю палубу в районе полубака и прямо возрадовался, так хорошо было на палубе, тепло, ясно, как никогда. Он увидел боцмана, боцман ловил рыбу, но отвлекся от этого занятия и делал непонятные, странные движения головой. Глаза у него были блуждающие, на губах застыла счастливая улыбка. В первую минуту капитан почувствовал как бы легкое удушье, затем осознанную тревогу. Что происходит с человеком, быть может, он того? Илья Ефремович знал, что однообразие морской жизни, тоска по берегу порой действуют на некоторые натуры с мощной силой и дают сдвиги в психике. В юности, когда он ходил еще матросом на танкере, такое произошло с его товарищем по каюте. Они были в море почти одиннадцать месяцев, совершали переход из Балтики в Японское море и затем, загрузившись во Владивостоке, ушли в Индийский океан, и так им все осточертело! Товарища судовой врач велел изолировать. Это сделали тактично, мягко, просто перевели чуть приболевшего человека в свободную каюту лоцмана и приглядывали за ним сообща. Однажды Илья Ефремович после вахты зашел навестить товарища и был поражен его позой, тот стоял на голове, упираясь ногами в переборки, и бормотал едва слышно английские фразы, писал их на стене. Может, это все ерунда, может, и он сам воспринял происходившее слишком

резко, предвзято. Может быть, потому что товарищ дал нормальное, вполне логичное объяснение: «Я, Илюша, от скуки занимаюсь по системе, йогов и вспоминаю полузабытый английский. Ведь когда-то на нем говорил свободно».

И вот теперь боцман, азартно вертящий головой, с этой дурацки счастливой улыбкой. Капитан, не решаясь что-либо сказать, покашлял, вначале несильно. И боцман встрепенулся, мгновенно принял нормальный человеческий вид и сказал, показывая нечто пальцем:

— Илья Ефремович, муха. Муха появилась! Ах ты, дьявол, камчатская, первая в этом году!

Капитан посмотрел вдаль, где виднелись с шапками из снега горы Камчатки. И все-таки утром они виднелись четче, а сейчас как-то расплывчато, и вообще в небе появилась тревожная белизна.

— Извините,— сказал капитан боцману, — продолжайте любоваться мухой в одиночестве, а я...

Он махнул рукой и пошел, чуть сгорбившись, на мостик и тут услышал искаженный микрофоном голос Валерия Ивановичи.

— Капитан-директора просят позвонить на мостик! Капитан-директора просят позвонить на мостик!

Илья Ефремович не стал задерживаться со звонком. Он привычно оглянулся, где тут ближайший? Ближайший был в каюте председателя судкома, и он подошел к этой каюте. Ее дверь была, как всегда, открытой. В глубине, у самого иллюминатора, который был тоже открыт, сидел почти весь белый старик и толстыми короткими пальцами неуклюже рвал листы марок, наклеивал их на профсоюзные билеты.

— Я,— сказал капитан лаконично, без приветствий и показал рукой на телефон.

— Пожалуйста, — добродушно сказал старик, в прошлом матрос траулера этой же флотилии.— Валяйте, звоните!

Будь это другой человек, капитан возмутился бы, он не терпел панибратства

и небрежных слов в обращении с собою. Он всегда умел создавать между собою и любимым человеком необходимую дистанцию. Он считал, что это необходимо, что без этого нельзя, но тут...

Илья Ефремович взял трубку и набрал номер.

— Это я,— сказал он со вздохом, когда услышал: «Мостик у телефона».

— Это я,— повторил он и вахтенный там, на мостике, крикнул: «Валерий Иванович, капитан на проводе!»

— Слушаю,— сказал запыхавшийся Валерий Иванович.— Простите, вы должны меня выслушать, Илья Ефремович. С крабофлота пришла радиogramма, ни нашим, ни вашим. Вот черти!

— Принесите радиogramму в мою каюту,— сказал капитан, медленно кладя трубку на рычаг. Он внезапно понял, что настало время действовать, что прошло время ожиданий. Надо или на все плюнуть, забыть про возможный шторм и продолжать промысел, или вызывать боты на базу.

— Петрович,— сказал капитан председателю судкома,— разрешите я у вас посижу несколько минут.

Красивый белый старик только пожал плечами. От него веяло силой и уверенностью. Капитан знал его много лет и всегда, при любых обстоятельствах, он был такой — сильный, уверенный. Эти качества были внутренне присущи ему, были неотделимой частью его. Оттого он, наверное, никогда в жизни ни в чем не сомневался, знал, что он делает, и делал дело до конца.

Капитан уже в который раз подумал, что Петровичу в жизни повезло. Природа оделила его цельным характером. Так она оделяет иного человека красотой, иного умом, иного талантом... Она и щедра и скупа одновременно. Оделив человека чем-то с королевской щедростью, в другом природа жметесь, скудно выделяет тому же человеку иное. И так иногда получаются красивые дуры, безобразные гении, несчастливые мудрецы. Петрович родился потенциальным лидером, но не стал им, потому что у него не хватило для этого ни ума, ни желанья. Пожалуй, главное —

желания. Он никогда не хотел управлять, командовать людьми, а они этого хотели, чувствуя в нем силу характера, определенность. И он всю жизнь пробыл отличным матросом. На траулерах, куда он попадал, всегда возникал добрый, хороший коллектив, ядром которого был он, Петрович. Некоторые капитаны пытались возвысить его, наделяли полномочиями, ставя его или тралмастером, или боцманом судна, но Петрович в новой роли неизбежно сникал, начинал тяготиться необходимостью по должности руководить людьми.

— Петрович,— сказал капитан и вспомнил «Абашу» и вяленую рыбу на реях и японское пиво, которого оставалось ящик или два,— мы уже на промысле второй месяц, и трудно судить, как закончится путина, потому что мы плохо знаем своих людей. Ведь от них все зависит?

Председатель судкома улыбнулся. Люди, люди... каждый раз старая песня. Люди, конечно, меняются на флотилии ежегодно, и каждый раз делай из «толпы» коллектив, крепкий, спаянный. И это получается каждый раз, в море процессы формирования человека, коллектива убыстренные. Море как бы форсирует становление и личности и общественные связи в экипаже. Это естественно, но жаль, разумеется, что приходится каждый раз начинать сначала. В условиях Дальнего Востока текучесть кадров огромная. Приезжают на ту же Камчатку десять человек, остается, оседает из них только один. Идет освоение огромных пространств, и оно нелегкое. Вот дети тех, которые остаются, не будут болеть тоской по Западу, станут хозяевами полновластными...

— Думаю, люди не подведут, — твердо сказал Петрович.— Я приглядывался. Разные, конечно, как всегда, но у нас и нет иного выбора. Надо работать с теми, которые есть. И мы возьмем план.

— Возьмем, не сомневаюсь,— отозвался, как эхо, капитан,— однако многие разочаруются в море, когда начнутся настоящие трудности. Мне хотелось бы, чтобы таких было как можно меньше.

Говоря все это, Илья Ефремович, в сущности, просил. Он просил тех, кто руководит общественными организациями, не подходить к делу формально. Ну, не просто собирать членские взносы, не просто составлять красивые, на вид эффектные планы, а вкладывать в работу с людьми душу. И он знал, на Петровича можно положиться, а помполит и секретарь комитета ВЛКСМ флотилии новые, неведомые ему люди. Помполит пришел на плавбазу из райкома, это хорошо, значит, есть у него опыт, но он — не моряк. Секретарь — из военного флота, демобилизованный молодой парень, будто бы привыкший там руководить и не захотевший менять эту привычку, а по мнению капитана, было бы для него лучше побыть на флотилии рядовым, тем же ловцом или на базе нашлось бы место, на заводе, скажем, и там далее было бы видно.

Петрович кивнул головой. Знал старый моряк, что на путине самое трудное не начало, не конец, а именно середина, когда и усталость в людях накапливается, и тоска по берегу усиливается. И тут, скажем, возникни шторм, возникни трудности, невыносимо становится в море чисто психологически. Люди начинают ссориться, нервничать по любому пустяку и ищут повод «размагнитить» себя. Одни страстно — обычно девушки — влюбляются, другие уходят в себя, третьи ищут разрядку в выпивке и в буйных выходках.

— Пожалуй, надо ожидать шторма,— сказал капитан, мысли которого уже переключились на не отложные, сиюминутные заботы. И он тяжело поднялся со стула, заложил пухлые руки за спину, чуть опустил голову. Не прошло и половины рабочего дня, а он почувствовал легкую усталость и от разговора с председателем судкома, и от множества дел, которые ему нужно было решать и сегодня, и завтра, и всю жизнь, пока он капитан-директор крабовой флотилии. А сейчас ему необходимо идти на мостики там отдать приказ, в верности которого он уже совершенно не сомневается: всем ботам возвращаться на плавбазу и быть готовыми к шторму! Теперь капитан был

уверен, что циклон их района не минует и что в ближайшие сутки придется ему и всем нелегко, но он выдержит. Должны выдержать и остальные, главное, ловцы. Ведь они в море, и первый удар шторм обрушит на них, если боты вовремя не придут на базу и не будут подняты на спасительные для них мотобалки.

Капитан ушел и через несколько минут по всей плавбазе раздался рокочущий, властный голос штурмана Базалевича:

— Боцману на бак! Боцману на бак! Вира якорь!

Через несколько минут мелко задрожал весь корпус плавбазы. Это стали набирать обороты двигатели, и тяжело заворочался многотонный винт. По бокам кормы возникли мутные водовороты, а на носу затренькали вначале редко, затем чаще звенья якорной цепи, выбираемой со дна на палубу. Затем судно стало маневрировать с таким расчетом, чтобы принимать мотоботы, защищая их от ветра и волны своим корпусом. Но пока было тихо и спокойно на море, лишь мимо проносились разноцветные наплава, оторвавшиеся от сетей. Их тащил на Камчатский берег начавшийся прилив. Пронзительно кричали чайки и разлетались во все стороны, когда к ним с жалобным мяуканьем приближалась их ярко-красная товарка. Перед этим ее поймали свободные от вахты матросы и от скуки выкрасили соком морского винограда, а затем выпустили на волю.

— Ну, что,— спросил Илья Ефремович,— все вышли на радиосвязь?

— Все, кроме семерки. Очевидно, она слишком далеко от нас или забарахлил их передатчик.

— Пробуйте, пробуйте,— сказал капитан, и первой его мыслью было распорядиться, чтобы база пошла ближе к семерке, но в то же время, как быть с другими мотоботами? Нет, менять район местопребывания базы нельзя.

— Пробуйте,— повторил Илья Ефремович,— ничего страшного. Может, просто закрутились там и забыли. Не вышли сейчас, выйдут позже.

Завлов хотел возразить, сказать, что

Карпович не из тех, кто забывает о связи, если велено поддерживать регулярную связь, но промолчал. Он сам не испытывал внутренней тревоги, ему казалось, что капитан напрасно торопится. Можно было бы еще потерпеть. Можно было бы просто дожидаться, когда начнут подходить с уловом боты и больше их в море не отпускать. Завлов искоса глянул на вахтенный журнал, лежавший на столике за его левым плечом, искал запись отхода ботов от борта. Ну, конечно, минут через сорок-пятьдесят начали бы подходить сдавать крабов. Можно было бы ждать, но... «Хозяин-барин»,— подумал Валерий Иванович, испытывая легкую обиду на капитана. Уж кому-кому, а ему, завлову, мог бы объяснить, чем вызвана торопливость? Ходил-бродил по судну, вернулся на мостик — и на тебе! Хоть бы ветер чуть усилился и началась бы сильнее волна, а то ведь все тихо и спокойно, как час, как два, как пять часов назад!

— Семерка, семерка,— заорал завлов в микрофон,— вы слышите? Выходите на связь. Прием!

— Не так громко,— сказал ему капитан,— вы же не в мегафон кричите. Не на палубе ведь...

Трюм семерки был уже полностью загружен, поэтому ловцы кидали крабов или на нос,, или просто сбоку стола. Их подбирали Костя с Олегом и укладывали рядами. Во-семь-десять рядов выше трюма — это нормальная загрузка бота, тогда получается нормальный, общепринятый строп, примерно чуть более тысячи мерных крабов весом около трех тонн.

— Сколько уложил? — не оглядываясь, спросил старшина, а сам знал, пошел пятый или шестой ряд.

— Пятый,— сказал Олег.

— Добро. Значит, еще немного и шлепаем до базы. Поднимем с десятков сетей и двинем.

Они подняли со дна четыре или пять сеток, как Вася, стоявший на лебедке, выпрямился, сделал руками крест, крикнул на корму:

— Стоп, Серега, пересыпка!

— Вот еще чего не хватало,— заворчал Карпович и поторопился к

лебедке. На ходу он полез в карман, вынимая записную книжку, где у него была нарисована схема постановки всех сетей флотилии.— С кем же это мы?

Но получалось, что ни с кем. Их поле было самым южным, крайним, если, конечно, на «Абаше», ставившей сети пять дней назад, все были трезвыми. И вообще, не могли они взять настолько мористее и пересыпать чьи-то чужие сети сетями семерки или наоборот.

— Давай,— сказал старшина Сереге, и лебедка потихоньку закричала, вытаскивая на поверхность ком зеленовато-желтых сетей. Были перепутаны два разных сорта сетей: одни белесые с чуть желтоватым отливом из толстой грубой хлопчатобумажной нити, другие — зеленые, с тонкой, но с жесткой делью. Отличались и верха с наплавами, и низа с грузилами.

— С японцами пересыпка,— сказал Вася и вытащил нож,— сейчас я их синтетику покроем. Вот деятели, в нашу зону заперлись!

— Да нет,— сказал старшина, оглядываясь, всматриваясь в горы далекого берега, затем он пошел на корму, сориентировался по компасу.

— Резать? — вновь спросил Вася и подышал на холодное блестящее лезвие ножа.— У меня месарь дамасской стали. Гвозди можно рубить, а потом бриться. Я раз, два...

— Нет,— сказал старшина,— надо, хлопцы, распутывать. Если порежем, нехорошо получится. Японцы тогда свои сети не найдут. Мы ведь пересыпали их, не они нас!

— Подумаешь,— сказал Олег, но Карпович так глянул на него, что парень примолк.

Ловцы стали распутывать сети, а старшина, поглядев на часы, пошел на корму. Он не стал говорить Сереге, мол, пора выходить на радиосвязь. Серега мог бы и сам помнить, все же помстаршины и сейчас на руле. Но Серега забыл, он гордо стоял, растопырив ноги, на корме и оглядывался кругом, как заправский, просоленный моряк.

Серега стал мечтать, а мечтать он

привык с детства. У него было живое воображение, такое, что он с легкостью мог видеть свои мечты словно это кинофильм. Картина за картиной проплывали перед ним, и главным героем был он, Серега. Вот Карпович заболел, его положили в лазарет, и пришел к нему озабоченный завлов: «Кого, Женя, старшиной на семерке ставишь?» Карпович удивленно смотрит на завлова. И вот Серега — старшина, самый молодой среди всех и самый умный, самый боевой. Он тогда купит у Петьки с «азика японские сапоги. Черт с ним, и за четвертак можно. Наши червонец стоят, но у наших качество другое, грубые, гады, а японские — мягкие и такие красивые, закачаешься!

Конечно же, Серега быстро сумеет вывести семерку на первое место. И когда Карпович выздоровеет, он скажет капитану: «Видели, какой мужик меня заменил? Пусть остается старшиной до конца путины, а я пойду к нему помощником».

Так мечтал Серега до тех пор, пока его не толкнул в плечо Карпович и не сказал ему:

— Не спи, друг! Сказал и наклонился, полез, кряхтя, в тесную обитель Василия Ивановича, взял там телефонную трубку и прислонил ее к уху.

— Я семерка, семерка. Прием!

Серега сверху глядел на старшину, слушал его негромкий голос и обижался. Мог бы Женька доверить ему выйти на связь с базой, но нет, не утерпел, сам взялся, чтобы подчеркнуть то, что именно он старшина и главный на боте.

— Я семерка, семерка, прием!— бубнил Карпович, очень сильно прижимая трубку к уху, так, что ухо покраснело.— Не слышат. Спят, что ли, на базе?

— Да этот Валера наш суматошный,— сказал Василий Иванович,— бегаешь небось, бичей на палубе гоняешь и про связь забыл.

— Хрен его знает,— сказал старшина и поднял голову вверх.— Серега, давай ты, а я пойду хлопцам помогать сети распутывать.

Карпович встал во весь рост и ему внезапно почудилось, что он провел у

радиопередатчика не три минуты, а по крайней мере час. Слишком изменилось все вокруг. Солнце уже не сияло в чистом небе. Оно было тусклым и на него можно было смотреть, не боясь рези в глазах. Море оставалось спокойным, но стало оно свинцовым и угрюмым. Бока накатных волн уже не были отполированными, не лоснились. Они приобрели какой-то пепельный, серый цвет и, возможно, от этого казались выше, нескончаемой чередой громадин, среди которых одиноко качался маленький бот.

— Так,— пробурчал старшина, снял шапку, почесал затылок. Ему, стало тревожно, неудобно. Он хорошо не знал, что такое внезапный шторм в Охотском. Бывало, что швыряло его бот как щепку, то подымало на высоту пятиэтажного дома, то швыряло куда-то вниз. Но все это бывало, рядом с базой. Уже сам вид базы, которая грузно качалась на волнах, давал уверенность, прогонял страх перед разгулявшейся стихией. Если что, с базы смайнают резервный бот, спасут. Оттуда смотрят на тебя сотни глаз, там сотни рук, готовых тебе помочь...

— Эй, хлопцы! Вася, кромсай сети к чертовой матери,— крикнул старшина,— пока дотопаем, гляди и заштормит!

Валерий Иванович наблюдал заначалом шторма с каким-то восхищением. Он видел, как пепельной стала вода и как все тусклее и тусклее светило солнце, а затем и вовсе исчезло то ли в низких, загустевших тучах, то ли во мгле из пыли, собранной циклоном над Камчаткой. Потом подул, но вначале легкий, порывистый ветер. Усилился накат. Водяные валы росли на глазах, их уже чувствовала плавбаза, давая ощутимый крен то на один борт, то на другой. Вдали показались мачты приближающихся к базе траулеров. Капитан велел им подойти на всякий случай ближе.

Уже три бота повесили на мотобалки, два других разгружались. Один сдавал улов крабов, другой — сети. Еще три были на подходе. Команды с мостика раздавались через каждые несколько минут;

— Тройка у борта!

— На подходе азик!

— Поднять двойку правый борт четвертые мотобалки!

— Одиннадцатый — левый борт пятые мотобалки!

— На верхней палубе, шевелитесь, шевелитесь! Быстрее обрабатывайте мотоботы!

Завлов время от времени подходил к радиации, и пытался связаться с семеркой, потому что он не знал, слышали ли там приказ или нет. Но сейчас уже это не имело значения, признаки надвигающегося шторма были налицо. Увидел же их, наверное, Карпович и пошел, наверное, к базе. Оставалось просто ждать семерку, как они все на мостике ждут три других бота. Однако связь с семеркой надо наладить, чтобы быть в курсе событий.

— Ну, что Карпович?— спросил Илья Ефремович, подходя неслышным шагом к завлову.

— Молчит, пока.

— Не дело... Вот что, свяжитесь с «Абашей». Пусть они идут навстречу семерке. Пусть сопровождают ее.

— Ладно,— сказал завлов. — А вы оказались правы, Илья Ефремович. Вовремя мы все начали.

Илья Ефремович круто развернулся и пошел к локатору, в который глядел молодой штурман.

— За берег цепляет? — спросил капитан.

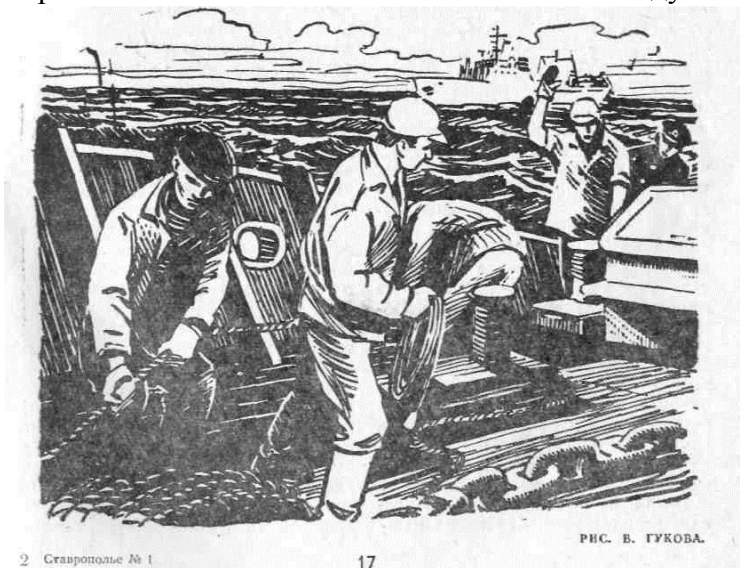
— Ага,— радостно ответил штурман.— К берегу бегут колхознички, а к нам — три, то наши боты топают.

— Разрешите, — сказал капитан, довольно энергично оттирая штурмана от локатора.

Затем он припал лицом к окошечку локатора, впился глазами в зеленоватый экран, посреди которого ярко светило расплывчатое пятно — это сама плавбаза. Почти рядом с нею два пятна поменьше — траулеры, третье пятно такой же величины — «Абаша» — удалялось на юг. Светлыми точками обозначались подходящие три бота. Они ярко вспыхивали, когда через них пробегал луч. Илья Ефремович глянул на шкалу, чтобы узнать, сколько до ботов.

Что-то около пяти миль. Нормально. Значит, будут у плавбазы минут через сорок.

ставшая, как и небо, черной, холодной на вид. Волны были еще небольшие, а ветер дул порывами, и каждый новый порыв был

2 Ставрополье № 1

17

РИС. В. ГУКОВА.

Луч локатора цеплялся за какой-то безымянный мыс земли Камчатской. До него было пятнадцать миль, он лежал на западе. На юге мористее была целая россыпь светящихся точек. Они были похожи на жучков, которые медленно сбегались и разбегались. Одни двигались довольно кучно, и капитан, приглядевшись, понял, что они идут к берегу — колхозные боты «мэрээски». Другие уходили в море — очевидно, это были кавасаки японской

флотилии. И вот где-то рядом с этой россыпью огоньков, а возможно и среди них, была семерка. Она еще не выделилась из кучи, но Илья Ефремович смотрел и смотрел, пока не зарябило у него в глазах. Наконец ему показалось, что одна точка удаляется от других и держит курс на север вдоль берега. Это могла быть только семерка.

— Семерка идет,— сказал капитан штурману, но это слышал и зав-лов,— только далеко она, около девяти миль. М-да!

Илья Ефремович щелкнул тумблером, выключая локатор, сделал шаг в сторону рулевого, который застыл на возвышении и едва касался ладонями рукояток, и тут понял, что здорово потемнело. Сумерки спускались на грозно дышащее море. Но это были неестественные сумерки.

Семерка шла к базе полным ходом. Журчала, пенилась за бортами вода,

сильнее предыдущего. Вася по своей привычке растянулся на носу, расчистив место от крабов, но скоро ушел, потому что тяжело нагруженный бот стал зарываться в воду. Ловцы собрались у рубки, держались за нее, прижавшись к ней спинами. Они все надели капюшоны, плотно затянули их и стояли заметные далеко, оранжевые до самых пяток. Нелепо торчали у них на груди и на спине тоже оранжевые поплавки спасательных поясов. Олег от нечего делать вытащил из специального кармашка пояса свисток и теперь периодически дул в него. Его примеру последовали и другие. Образовался как бы свистковый оркестр, верещавший на все лады. Старшине эта музыка не нравилась, он подумал, что хорошо — море пустынное, а то со стороны могло бы показаться, что на боте собрались сумасшедшие. Но замечания Карпович не делал, молча стоял на корме и рулил, стараясь это делать осторожно, не подставляя борта волнам, чего доброго, они могут перевернуть суденышко, осевшее в воду чуть ли не по самую кромку палубы.

— Хорошо едем,— просто сказал Костя Сереге. Они в свистковом оркестре не участвовали и не потому, что не захотели, а потому, что в их поясах свистков не оказалось.

— Не едем, а идем,— поправил Серега Костю.— Ехать можно на телеге по суше, а на море ходят. Привыкай к морскому языку, раз стал рыбачить,

сколько раз тебе говорить!

— Ну, идем,— миролюбиво сказал Костя,— какая разница! У нас добрая лодка.

— Бот, а не лодка,— снова поправил его Серега.— Нет, не получится из тебя, Костя, морского человека. Не родился, как видно, ты им.

— Может. У нас в Белоруссии хоть воды много, да все болота, озера, а море я, брат, только тут и увидел.

— А я, Костя, родился в море,— похвастал Серега,— у меня мать в загранку полжизни ходила. И родила меня около островов Фиджи. Слышал, может?

— Бреешь.

— Чтобы меня раки слопали, не вру! Вот придем на базу, я у кадровика паспорт возьму. Там написано.

— А кем мать в море ходила?

— Отец у меня кандей, повар, значит, а мать — фельдшер. Вдвоем и ходили, деньгу заколачивали, барахлишко припасали.

А волнение усиливалось, уже не посвистывал ветер, а выл, гудел и бросал в лица ловцов снежную крупу, перемешанную с брызгами воды. Бот, как утка, нырял по волнам, взлетал вверх, падал вниз. Иногда, взбираясь на водяной вал и покачавшись немного на его вершине он носом зарывался в воду и стремительно скользил вниз, задрав менее нагруженную корму. В такие моменты оголялся винт и начинал быстро набирать обороты мотор, работая вхолостую. Но старшина сбрасывал газ, оглядывался, крепко держась за румпель. Там, позади внизу, выступало, как плавник у рыбы, перо руля и по нему били волны.

— Баллов восемь, а то и девять,— сказал Серега,— дает!

— Смотри, смотри,— воскликнул Костя,— вон еще лодки, да чудные!

Все ловцы стали всматриваться вдаль. И верно, там, вдали качались небольшие пузатые суденышки. Они шли от берега в море.

— Японские кавасаки,— сказал Вася,— тоже тикают к своей базе.

Но этого Серега уже не слышал. Он, выполняя приказ старшины, снова сделал

попытку связаться с базой, и на этот раз удачную.

— Жень, ура! База на проводе.

— Становись на руль, я сам поговорю.

Они поменялись местами. Взявшись за румпель, Серега почувствовал, что сейчас управлять ботом не то, что в тихую погоду. Румпель вырывало из рук, на него надо было наваливаться боком, чтобы держать суденышко в повиновении. А тут еще оно стало рыскать, разворачиваться к волне бортом.

— Эй, эй, — встревоженно закричал Вася,— держи, Серега, а то нас перевернет!

— У раков гостями будем,— засмеялся Серега, которому удалось быстро справиться с непослушным ботом и положить его по верному курсу. Когда его заменил Карпович, он вернулся к рубке и, испытывая сильное возбуждение, радость от того, что вот он какой бесстрашный, стал говорить:

— Парни, хороший шторм для человека — проверка. Вон Олег, скоро травить начнет. Да и ты, Костя, что-то побледнел. Не дрейфь, парни!

— Пошел ты,— сказал Костя. Он не укачивался, просто чувствовал себя не в своей тарелке, непонятную слабость от непрерывных взлетов и падений.— Олег не родился, как ты, в море.

А Олега и вправду совсем развезло. Он стошнил прямо на палубу. Серега отвернулся, брезгливость заставила. Вася схватил парня за плечи.

— Ничего, теперь легче будет.

Батаев, поддерживая товарища, провел Олега к трюму, заваленному сетями, тут ребята сообразили и помогли, сделали в грудах сетей нечто вроде ниши. Туда и прилег Олег, полный благодарности, любви к Васе. Он подумал: «Вот у меня появился настоящий друг. Да и остальные ребята — ничего». И так он лежал на мокрых сетях, которые казались ему лучше перины, преодолевал в себе тошноту, то и дело подступавшую к горлу. Сети защищали его от ветра, а волны захлестывали. Они уже свободно перекачивались через палубу, но всех ловцов защищали рыбацкие непромокаемые комбинезоны. Хуже было

старшине, который быстро промок до нитки и теперь клял себя за то, что не взял даже плаща. Ведь подумал взять, когда капитан сказал о возможном шторме, и не взял. Однако от этой мысли его отвлекла все возрастающая тревога: на глазах шторм усиливался, разыгрывался не на шутку, а до базы оставалось еще миль пять.

— Хлопцы, будьте осторожны,— крикнул Карпович, — держитесь друг за друга, смотрите, чтобы никого не смыло за борт!

Но ловцам можно было бы это и не говорить. Все знали, за бортом почти ледяная вода. Утонуть, конечно, не утонешь, спасательный пояс не даст, а вот окоченеть можно быстро, в считанные минуты. Старшина передвинул руку по румпелю, пощупал высевшие на нем два спасательных круга и мысленно представил себе, как он будет действовать, если за бортом окажется человек. Он сразу сбросит газ, не глядя рванет с румпеля круг и метко кинет его в море освободившейся левой рукой. Около компаса, закрепленного на крыше рубки, лежит наготове добрый моток прочного японского линя. Тоже пригодится, если его кинуть, как лассо.

Сергея же, как всегда, фантазировал, выдумывал ситуации одна нелепее другой. Он решил, что завтра он предложит экипажу семерки назвать бот не цифрой, а именем, достойным их славного суденышка. Смотри, как штормит, как кидает его, а оно — хоть бы хны! Сильнейшее судно. И почему бы его так и не назвать — «Сильнейшее» или лучше «Сильнейших». И тогда он, Сергей, будет помстаршины «Сильнейших». Экипаж сильнейших...

Костя, глядя на бушующее море, думал, что не так страшен черт, как его малюют. Вот штормит, ветер — считай ураганный, а больше ничего особенного не происходит. Волны, конечно, большие, не то, что у них на озере около деревни Рог, но к их величине привыкнуть можно. Костя чувствовал, как, впрочем, и остальные на борту семерки, уверенность. Возникшие было у него слабость и тревога прошли.

Вася крепко прижался к рубке спиной, уперся ногами в сети и, закрыв

глаза, даже дремал, мысли у него были обрывочными, неясными. Вначале он погрузился о Светке, вспомнил, какая она теплая, как ее приятно целовать. Потом он подумал о себе почему-то в третьем лице: «Он был дурак. На борту сколько баб и сколько согласных, а он для чего-то хранит верность Светке. Вот Светка небось...» И только Вася подумал, что Светка «небось», как его охватило горе, печаль и запротестовало сердце. Он не мог представить ее в объятиях другого, ее милый лепет для другого. «Милая, милая,— молился, уговаривал ее Вася,— пусть все, что угодно, только не это. За это я убить могу, а простить не смогу».

Василию Ивановичу в рубке было лучше, чем другим. По крайней мере, его не обдавало водой, не бил в лицо ветер со снежной крупой. Над головой у него тускло светила лампочка, в ногах рокотал мотор, который он слушал, как врач слушает сердце больного, и оставался им довольным. Иногда Василий Иванович кашлял и ощущал при этом боль в легких, но он не придавал значения этой боли, привык к ней. «Застудился чуток,— думал он,— да ничего, пройдет. Впервой, что ли?» Карпович не один раз посылал его в лазарет, но моторист, никогда не болевший в жизни, докторов презирал, считал, что они ничего не знают и не понимают. «Как доктор может увидеть, что внутри у меня делается? Вон мотор в миллион раз проще человека устроен, а откуда я знаю, что у него делается внутри?» Василий Иванович был отличным мотористом, знал устройство мотора своего бота на зубок, но у него не хватало воображения представить взаимодействие всех деталей мотора в целом, то, как происходит всасывание горючего, вспышка его и отход продуктов сгорания. Это было для него тайной за семью печатями.

— Женья! — крикнул заскучавший моторист из рубки,— придем на базу, сообразим кулаги на двоих?

— Посмотрим, — отвечал старшина, который отлично знал, что сообразят они кулаги, а потом его верный товарищ тайком от всех добавит пузырек тройного одеколона и заснет сном праведника и

проснется наутро трезвым, как стеклышко. Только будить его придется, Василий Иванович после выпивки был особенно крепким на сон.

Когда завлов по радиации сказал, что капитан, да и он, завлов, считает необходимым облегчить бот, выбросить за борт улов и даже сеть, то Карпович выслушал это спокойно. Он и сам видел, как быстро усиливается волнение, и понимал, облегченный бот пойдет лучше, скорее они доберутся до базы, но в то же время особых причин для беспокойства не было. Не первый раз Карпович попадал в такие переделки и не первый раз он принимал такие приказы — на базе всегда осторожничают, это естественно, ограждаются от вполне возможной беды, с морем не шутят, в море риск гораздо выше, чем на суше. И вот, приняв приказ: улов в сети — за борт, старшина, несмотря на свою аккуратность, дисциплинированность, не кинулся его выполнять, а почесал затылок, поежился и немного поразмыслил, как умел. Соображал же он всегда быстро, предпочитал то решение, которое приходит в голову сразу. По опыту он знал, как это особенно хорошо знают шахматисты, что у первых решений есть странное свойство быть наиболее верными, хотя они как-то легко, просто пришли на ум. При некотором колебании эта простота начинают сбивать с толку, пугать, и поиски иных решений затягиваются. В конкретном случае старшина просто не имел права на долгие размышления, а короткие были вот какие: во-первых, жалко улов и особенно сети; во-вторых, сбрасывать груз за борт нелегко, и это не сделаешь за пять минут. И, наконец, бот ведет себя хорошо, ну, терпимо! И на подходе, вот-вот появится где-то среди волн посланная на помощь «Абаша».

Карповичу не нужно было напрягать свой зычный голос, экипаж был рядом, за рубкой:

— Ребята, кто там крепче себя чувствует, двое или трое, идите на нос, кидайте крабов за борт.

Первым подал голос Серега, и это ожидал старшина, ожидал он протест

ловцов:

— Женя, мы уродовались, уродовались, а теперь клади их обратно, да?!

— Батаев,— негромко сказал старшина,— бери еще двоих и командуй парадом, разгрузи нос.

Вася нехотя подчинился, стал бормотать и в то же время оглядывать ловцов: кого брать с собою. А бормотал он вот что:

— Волна так себе. Сильнее будет, сама смочет крабца с носа. Так что займемся мартышкиным трудом.

И это не хуже Батаева понимал Евгений Карпович, но приказа он не отменил. Он принял компромиссное решение, тоже на всякий случай, отводя от себя, если случится беда, естественные обвинения. Он думал, пусть пока разгружают нос, а трюм успеют, не горит еще. И уж что-что, а сети он велит бросать за борт в последнюю очередь. Крабов жалко, но их можно еще поймать, а сетей больше не дадут, придется работать с теми, которые останутся. Их и так с каждым днем остается все меньше и меньше. Они приходят в негодность, рвутся; другие — украли какие-то босяки, может, с острова Птичий, может, ловцы соседней флотилии; третьих лишили по нужде, как сегодня лишили семидесяти сетей, когда не разобрали пересыпку с японскими и пришлось резать твайну. У Карповича однажды была просто дурацкая путина. На той путине, как нарочно, ледяные поля сбивали его вешки, и в конце концов у него осталось меньше половины сетей. А тут хорошо пошел краб, и хоть плачь! Карпович плакать не стал, а поступил так, как поступили бы многие другие старшины, и что его очень угнетало, но делать было нечего. Все знали, откуда у Карповича через неделю появился почти полный набор сетей, и не обижались. Во-первых, Карпович производил заимствование очень умно, и никто его за этим делом не застал. Во-вторых, он имел совесть и более 10—20 сетей с каждого порядка не отрезал. Обычно экипажи ботов получают сети сразу, в начале путины, и, пометив их, каждый по своему, обычно краской, работают ими весь сезон. У одних низ сети покрашен, у других — верх, а кто

твайну масляной кистью измусолит, и повторений не бывает, во всяком случае на одной флотилии. Это позволяет различать не только по вешкам, где сети того или другого экипажа, исключает обезличку и воровство. Но Карпович в ту путину, понятное дело, пошел по пути, который презирается на море и за который бьют и могут утопить. Однако его не били и не утопили, а просто беззлобно посмеивались над бортовиком Карповича, когда он грузил на траулер-постановщик свои разноцветные серо-буро-малиновые сети. Среди них попадались и иностранные.

— Вовочка, ты случайно не наш биток на строп погрузил?

— Пошли вы,— огрызнулся бортовик, — у меня твайна по концам нашим, синим цветом крашена.

— А низ дели, как у нас! И заграничные у тебя сети, кучеряво живет семерка!

— Пошли вы,— злился Володя.

Но при Карповиче таких разговоров обычно не вели. Грубые, иногда жестокие краболовы щадили самолюбие старшины, попавшего в беду не по своей воле. Такое с каждым может случиться, понимать надо.

Из рубки вылез на минуту Василий Иванович и, увидев, что Батаев и двое других швыряют себе потихоньку за борт увесистых крабов, спросил:

— Что, с базы велели?

Старшина промолчал, он держал румпель и внимательно следил за ловцами на носу. Хлопцев там заливало с ног до головы гудящими потоками воды при каждом спуске бота, когда бот, очутившись в ложбине между волнами, врезался носом в очередную волну и начинал медленно, упрямо взбираться наверх, где ветер рвал в клочья пену.

— Жень, там крабца больше тонны,— сказал Василий Иванович,— значит, шесть-семь ящиков консервов. Жалко.

— Не ной, — хмуро перебил старшина моториста.

— Так, Жень, а в ящике девяносто шесть баночек, которая в Америке по пять долларов каждая. Жалко.

— Ну,— прорычал Карпович и

почувствовал, что ярость наполняет его, и он ее выплеснул в виде виртуозной брани — умеют в морях ловко соединять, казалось бы, несоединимые соленые словечки.— Теперь исчезни, охламон!

Василий Иванович исчез так же быстро, как и появился. Ему было обидно. Карпович всегда уважал его и не позволял себе при людях его ругать. И вот теперь, ворочая своими тяжелыми мозгами, моторист пришел к нехитрому выводу, что Женьке тоже жалко крабца, а потому он и наорал. В то же время обида не покидала Василия Ивановича. Он вспомнил, что для всех тут на боте он почти отец по возрасту, что у него болит грудь, и, кажется, он действительно болен, и это Карпович знает лучше всех. Вспомнил он и утренний разговор свой с Серегой. Серега — щенок, его ни капельки не уважает, за бича считает, а сам бич, это точно! Конечно, он, Василий Иванович, давно не помогает команде, только у мотора и у мотора. И на прошлой неделе, тоже верно, было так — не вышел на вешала помогать своим распутчикам, которые тогда замучились с сетями.

Обо всем этом подумал Василий Иванович и задохнулся от нахлынувшего кашля. А когда он откашлялся, его привычное ухо сразу уловило перебои в работе мотора.

На палубе плавбазы, которая медленно, как-то громоздко качалась на волнах, было почти пусто. Лишь как торосы заполняли ее поникшие, порыжевшие стропа с крабом. Около них ходили, закутавшись в модные японские штормовки, два или три человека — то ли девчонки, то ли парни, не разберешь. Тут все ходят в брюках и в резиновых сапогах.

Ходил тут же со шлангом в руках старый, словно пень, мойщик палубы Игнатъевич, тощий, слабый на вид человек с несходящими болячками на губах — результат непрекращающейся простуды. Был он скромн, как все утратившие силы и молодость, милым и добрым и готовым каждому желающему рассказать о том, как возник крабофлот, как он жил, работал на «первом краболове», переоборудованном старом транспортном

судне. Сейчас он ходил по зыбкой ветренной палубе больше из-за старания, нежели из-за дела. Была она, палуба, довольно чистой, ее в самом начале шторма окатил виромайнальщик Федя — пожалел старика, — но Игнатъевич свою службу знал хорошо и всеми силами старался делать, что ему положено, без скидок. И ходил он, подбирал панцири, крабы лапы, забившиеся между досками около конвейера, складывая их в кучу, и каждому, проходившему мимо, говорил:

— Ан, чиста палуба, да вот приходится в каждую щель заглядывать. Видишь?

И показывал старик на кучу крабовых панцирей и лап, выуженных им со старанием из потаенных мест. После таких слов каждый чувствовал, что мойщик палубы не зря получает свою зарплату, что тут, на судне, он необходимый. И в то же время каждый чувствовал расположение к старику, жалость вот к такому старанию, в котором отсутствие сил заменяет беспредельная тщательность, повышенная ответственность к делу.

— Молоток, — говорили Игнатъевичу те, кто помоложе, оглядев палубу с безразличием, и бежали дальше, а он, шаркая усталыми ногами, не обращая внимания на качку, продолжал трудиться. Из шланга вырывалась мощная струя воды, она билась о железо, шипела и разлеталась брызгами. Конец шланга крепко держал старик и, упираясь широко расставленными ногами в палубу, направлял струю под лебедки, под конвейеры, на шпигаты, когда они забивались мусором. Он думал рассеянно, по-стариковски нелогично и о разном. Вначале ему пришло в голову, что давно следует забить щели под конвейером обрезками досок, и тогда ему легче будет работать. Он представил в своем воображении эти щели, их длину, ширину и то, как он их забивает где рейками, где просто щепой или брусками. Конечно, мастер цеха обработки Люда, холостая баба лет тридцати, выпишет ему наряд за эту работу. Лишний трояк к зарплате, но восстанет, как видно, нормировщица, и не видать ему этого трояка, но это и неважно. Работать легче будет, если он забьет щели,

и то — хорошо!

Когда старик перешел на правый борт, волоча за собой шланг, то увидел там у самых лееров Настю. Она стояла, как кнехт, как вбитая в палубу, неподвижная, застывшая в напряженном ожидании. Сколько раз видел вот такой ее Игнатъевич — жену рыбака и угрюмое взбаламученное море, в котором с минуты на минуту должен появиться мотобот с оранжевыми ловцами на борту, и тогда расслабитя Настя, вытрет украдкой кончиком платка слезинки на глазах, скажет, ни к кому не обращаясь: «Вот и дождалась...»

— Идут, идут, — сказал мойщик палубы, подходя к одинокой женщине, — кабы горизонт был бы чистым, давно видели бы их. Настя ничего не сказала, но осталась благодарной старику за то, что он ободрил, подкрепил ее надежду.

— А ты все толстеешь, Настя, — продолжал говорить ей Игнатъевич. — Я же тебя помню тоненькой. Такая была славная морячка с косичками в разные стороны...

Это он ей говорил не первый раз, может, сто раз она слышала такое и давно привыкла, не обижалась, хотя обидно слышать про то, что она толстеет и выглядит гораздо старше тридцати пяти лет. Так разве легкой была ее жизнь, разве могла она следить за собой со старанием береговой женщины? На берегу и работа полегче, и парикмахерские на каждом углу, и кремы разные, и в одеждах праздничных чаще бываешь. А в море — это в море, тут и от платья легко отвыкнуть, когда все время приходится быть в брюках да в брюках или в шерстяных шароварах — в них удобнее работать и теплее. Праздников же и выходных в море не бывает, одни, как говорится, трудовые будни, как в поле во время уборки урожая.

«Отчего они сегодня последние? — думала женщина, пристально всматриваясь во мглу. — Ведь знает, что я всегда так волнуюсь».

Конечно, знал это Карпович и редко приводил бот на базу последним, обычно одной из первых возвращалась семерка, но далеко не ради спокойствия Насти, а по той причине, что старшина старался дать

ловцам как можно больше времени на отдых. На пределе человеческих возможностей можно работать два-три дня, неделю, а путина длится несколько месяцев, и тут очень важно следить за тем, чтобы люди не выбились из сил, не работали попусту.

Было что-то около четырех часов по местному времени, а казалось, что уже наступают сумерки. Это усиливало тревогу Насти, хотя она и знала, что до вечера еще далеко. Здесь ночь начинается поздно, часов в десять.

— Управятся,— сказал с каким-то легкомыслием старик,— чего ты, дочка!

Настя медленно обернулась к Игнатьевичу и сквозь слезы стала сбивчиво говорить, что у нее сегодня необычная тревога, что видно быть беде,' это чувствует ее сердце.

— Дела,— растерянно произнес старик, бросая шланг на палубу, и стал неуклюже гладить голову женщины ладонью, пристальнее, чем до этого, посмотрел на море, которое гудело, тускло кипело волнами, вздымавшимися все выше и выше. Над волнами низко неслись темные тучи, из-за них видимость была плохая. Иногда тучи сталкивались, яростно клубились и словно падали в воду, и тогда там, вдали, вспыхивали огненные зигзаги молний. А в это время побледневший завлов докладывал капитану, что семерка вышла на связь и сообщила о перебоях в работе мотора и что «Абаши» рядом нет. Траулер же, если верить локатору, находился в том же районе, однако бота пока не нашел. Мешают плохая видимость и снежные заряды.

Илья Ефремович внешне спокойно выслушал завлова, затем обернулся к штурману и спросил, далеко ли до семерки? Штурман, взглянув на экран локатора, отвечал, что от плавбазы до бота меньше трех миль и что два других траулера на подходе к «Абаше», а четвертый траулер мористее, дальше всех от семерки.

— Объявить тревогу и начать всем судам поиски мотобота,— приказал капитан и стал размышлять о том, как лучше сказать руководителю камчатской

экспедиции о терпящей аварию семерке во время капитанского часа. Капитанский час начинается в шесть вечера, в эфир выйдут все крабовые флотилии и хорошо бы доложить о семерке, как о терпящей аварию. Но к этому времени надо ее во что бы тони стало найти и поднять на мотобалки. А если этого не случится, то... начальник экспедиции с давних пор недолюбливал Илью Ефремовича и придирался по каждому по воду. Критики же и тем более придиры Илья Ефремович не терпел. Он был излишне самолюбивым человеком...

Навалившись на румпель всем телом, Карпович думал лишь об одном, чтобы бот не развернуло бортом к волне. А ход у бота был плохой, мотор фыркал, то сбавлял обороты, то с натугой набирал их, и тогда суденышко ложилось на нужный курс. В рубке моторист вспоминал всех богов и пытался найти причину неровной работы мотора.

На носу бота ловцы под командой помстаршины Сереги спешно облегчали бот. Не работал только Олег, которого совсем укачало. Он сидел у трюма и бессмысленно смотрел на палубу. У его ног катались наплава и грузила, оторвавшиеся от сетей. Тут же орудовали ножами ребята, безжалостно кромсая дель, когда она запутывалась, цеплялась в трюме за стальные тросы, из которых был сплетен строп.

— Давай, хлопцы, давай! — орал Костя, который не из-за страха, из азарта испытывал прилив сил, странный душевный подъем. Иногда он оглядывал бот, рассвирепевшее море и как-то нелепо, радостно думал, что будет теперь о чем поговорить в деревне Рог. Расскажешь про такое, так не поверят мужики! Вот накатился очередной вал, накрыл бот, и все вокруг потемнело. Через секунду ушла гигантская волна, но темно было по-прежнему, потому что следом ударил снежный заряд и захуртило, словно метель, словно в пургу небывалой силы. Но и это прошло, посветлело, и тут Костя увидел, что Серега, сбитый волной или ветром, лежит около борта, и руки его запутались в сетях, которые он нес в охапке и которые

не успел полностью выбросить в море. Часть сетей свесилась через низкие леера и полоскалась в море, тянулась вдоль бота грязной лентой. Серега пытался освободиться, рвал нити дели и не мог встать, делал все лежа и глотал соленую воду, стекавшую к правому борту с палубы.

В первый момент Костя не подумал о том, что Серегу может стащить в море, что ему угрожает опасность. Он подумал об опасности, но о другой. В то время бот развернуло так, что сети пошли под него, под винт. И Костя закричал Карповичу, бросаясь на помощь Сереге:

— Женя, право руля, право!

Еще через секунду Костя схватил Серегу за пояс и стал держать, но сил у него не хватало, а тут еще накренило бот, волна очередная накрыла, и Костя почувствовал, падая на палубу, что Серегу неумолимо тащит в воду, в море. Но он еще крепче уцепился за товарища и сделал попытку найти опору ногами, удержаться на скользкой палубе. Скоро ему показалось, что левой ногой он попал в какую-то петлю и она, эта петля, держит хорошо. Сумей он оглянуться назад, то увидел бы, что не в петлю попала нога, а в руки одуревшего от качки Олега. Олег вцепился в его сапог так же хорошо, как он в Серегу, а Батаев в это время успел перерезать предательские сети. Для этого ему пришлось накрениваться через борт, что он сделал не задумываясь, поддерживаемый остальными ловцами.

Серега поднялся на ноги и широко раскрыл рот, выжал из себя добрый литр противной воды, которой он успел наглотаться.

— Дурак,— ласково сказал Батаев, поддерживая помощника старшины за плечи,— к крабам захотел, да?

— 3-3-замерз,— не проговорил, а скорее простучал зубами Серега. Наконец он осознал, что ему угрожало, и тут его охватил невыносимый страх. И ему хотелось закричать от страха, но страх был так велик, что он забрал все его силы и медленно выходил из него мелкой нервной дрожью.— Замерз, хлопцы!

Костя искренне поверил ему, поверил тому, что Серега дрожит от холода,

оттого, что промок до нитки. Но промокшими до нитки были все, однако все, даже измученный Олег, не чувствовали холода.

— Парни,— сказал Костя,— надо бы ему из аварийного!

— Да надо бы,— подумав, согласился с ним Батаев. И Костя пошел на корму за разрешением к старшине, который ни на что не реагировал, кроме того, чем был занят— держать бот носом к волне. Он видел, как упал Серега, как его спасали, как не дали ему свалиться за борт вместе с сетями, в которых он запутался. Слышал старшина и предупреждение Кости, но все это как будто ничуть не трогало его, не волновало, а как бы проходило мимо сознания и казалось несущественным, не главным. Костя крикнул: «Женя, право руля!» И он повернул, это было существенным, это касалось целостности судна, на котором он отвечал за все и которое не должно перевернуться, погибнуть, пока он жив. Быть может, старшина Карпович был единственным человеком, понимавшим в полной мере то, что семерка попала в невыносимые условия и что заглохни мотор окончательно, она станет игрушкой среди разгулявшейся стихии. Ее быстро перевернет, а ловцы, попав в ледяную воду, через полчаса окоченеют, и море выбросит их трупы на неудобный камчатский берег.

«Абаша» уже с полчаса шла по кругу, диаметр которого был около мили, но семерки не было видно. Капитан траулера решил сузить район поисков, потому что с плавбазы сообщили, что мотобот, по их мнению, где-то в центре круга. Разумеется, экран локатора не телевизионный экран, на нем нет подробностей, даже силуэта нет, а просто движущаяся светлая точка, и все. По ее размерам еще можно судить.— большое или малое судно впереди, сбоку или сзади, но нельзя сказать, какой оно национальности. Так и случилось на этот раз, экран подвел. Траулер, сузив круг, наконец пересекся курсом с якобы семеркой, но это оказался отважно сопротивляющийся старенький сейнер, спешивший из всех сил в устье реки Хайрюзовки, где была рыболовецкая

бригада местного колхоза.

Капитан «Абаши» от души выругался и велел радисту передать на базу, что произошла ошибка. На базе, очевидно, в первое время растерялись, неужели они чуть ли не в течение целого часа принимали колхозный сейнер за свой мотобот? Но так оно и было, делать нечего, попробовали связаться с семеркой по радиации, чтобы как-то сориентироваться и выяснить, неужели она все где-то в той россыпи японских судов, спешащих подальше в море? Бот не отвечал, хотя его вызывали без перерыва. Или опять подвела его маломощная карманная радиостанция, которая плохо берет во время грозы и которую так же плохо слышно, или Карпович отвлекся, сражаясь со штормом,— оставалось не известным. Тогда «Абаша» не стала терять времени и пошла южнее, ближе к японской зоне, а в район «Абаши» вот-вот должен был подойти «Таймень», да и сама плавбаза.

«Абаша» шла, зарываясь острым носом в волны и выскакивая на поверхность, словно игривый дельфин. У нее был узкий корпус, который легко резал воду, и хорошая новая машина в триста лошадиных сил. На палубе траулера в районе кормовых надстроек стояло несколько матросов, одетых в непромокаемые плащи с капюшонами. На всех был один старенький бинокль, в который они по очереди оглядывали горизонт, искали семерку. С таким же старанием проглядывали море и с мостика и даже из иллюминаторов общего кубрика, который был одновременно и столовой, и красным уголком, и кинозалом. На траулере экипаж немногим более двадцати человек. И это был дружный коллектив давно работавшихся рыбаков. Среди них только один был новичок — матрос второго класса, иначе — дневальный Петро Туган, живший до сегодняшнего обеда в десятой каюте вместе с ловцами семерки. Наконец ему, как он считал, повезло, попал не на завод, куда его усиленно сманивали, предлагая «процесс» — подноска крабового мяса, а на траулер-разведчик. Все нравилось Петру на «Абаше», даже то, как ее качает. А качало «Абашу», да еще на ходу, основательно.

Она проваливалась вниз и затем, фыркая, мелко дрожа корпусом, взбиралась на очередной водяной вал и там кренилась под ураганным ветром на борт, выпрямлялась и ныряла в снежный заряд, выходила из него, вспенивая воду, легко разрезая ее.

Туган стоял на палубе в новеньком черном плаще, а рядом были тралмастер и механик, свободный от вахты молодой парень с угреватым лицом.

— Дает, во дает!— радостно говорил Петро своим новым друзьям.

— Не хотел бы я быть на их месте,— сказал тралмастер.

— Да,— сказал механик,— и где же они? Вот бедные хлопцы!

— Я их всех знаю,— сообщил Петро,— с их помстаршиной, мотористом и одним ловцом три дня жил в одной каюте. Крепкие ребята, только ужасные сони!

— Ишь ты,— заметил тралмастер,— сони, значит? Пошел бы ты на бот ловцом, да повкалывал, как они, спал бы еще крепче.

Механик засмеялся и передал бинокль Петру.

— Ну, что видишь, вербота?— спросил механик.— Ничего не видишь, не морской у тебя глаз. Давай бинокль,— Демьяныч прищурился, значит, заметил что-то среди воле. Может, и бот.

Это известие не особенно порадовало парня, он не стал спешить отдавать бинокль и начал заговаривать механику зубы:

— Петро меня звать. Что ты одно заладил: «вербота, вербота!» Сам, чай, тоже небось по вербовке сюда приехал.

— Ага,— сказал механик,— только ты от избытка своего здоровья, а я по причине вербанутости. «Вербота» и «вербанутый» — есть разница? Есть. А теперь давай бинокль.

Но Петро к этому времени левее носа траулера совершенно отчетливо заметил нечто вроде бочонка, который неистово кидали волны.

— Стой,— тяжело задышал Туган и схватил свободной рукой плечо уграстого

механика,— вижу...

Но бот или то, что, казалось им, увидели и с мостика траулера. «Абаша» резко сменила курс и пошла на юго-запад. А скоро бот стало видно и невооруженным глазом. Иногда он скрывался в туче снежного заряда и вновь появлялся — жалкая скорлупка, не больше, среди гигантских волн. И на ней оранжевые люди.

— У них что, хода нет?— сказал в недоумении тралмастер.— Швыряет их, бедных, как попало.

Траулер стал кружить вокруг бота, подходя к нему все ближе и ближе. На корму вышли посланные капитаном «Абаша» два матроса с бухтами легкого линя, стали готовить буксирный канат.

Скоро «Абаша» совсем сбавила ход, но ближе подойти к семерке не могла, мешало сильное волнение, ветер. Капитан траулера боялся, чтобы бот не ударило о борт «Абаша» и не разбило его. Он стал выжидать благоприятный момент, чтобы с наветренного борта бросить на семерку линь. И вот бот приблизился к наветренному борту, влекомый возникшими в море течениями, один матрос кинул линь и промахнулся, второй кинул, и был тот же результат. Между тем бот прошел метрах в двадцати от кормы траулера, и его понесло дальше. Капитан «Абаша» успел, однако, ободрить ловцов своим громовым через мегафон голосом:

— Ребяташки, на боте там, не телитесь, ловите линь!

Не выдержал, закричал свое Туган:

— Васька, Серега, это я, Петька с десятой!

И лишь на третий раз получилось все удачно. Линь с «Абаша» пойма Костя. К этому времени появилась с развевающимся шлейфом дыма из огромной трубы и сама плавбаза. Это случилось без десяти минут шесть вечера по камчатскому времени. За базой принесся на всех парах «Таймень»...

Троих из экипажа семерки пришлось положить в судовой лазарет: Серегу, у которого было нервное потрясение, Олега Смирнова, совсем измученного качкой, и моториста Василия Ивановича по поводу двустороннего воспаления легких.

Остальные восемь человек чувствовали себя нормально, лишь очень промерзли, но они быстро отогрелись после парной и трех бутылок коньяка, которые им пожертвовал из своих запасов Илья Ефремович. Кое-кто не удовлетворился коньяком и добавил кулаги, и спали теперь эти ребята мертвым сном в своих каютах, а шторм неистовствовал всю ночь. Был он необычайно сильным даже для этих гудящих от бесконечных циклонов широт.

Лазарет плавбазы был чистеньким, уютным, на шесть коек, расположенных в трех каютах. Одна считалась как бы инфекционной палатой, и туда уложили одного Василия Ивановича. Он всю ночь бредил, что-то кричал, вскакивал с кровати, ругался по-морскому. От него не отходила медсестра, ласково его уговаривала, но он ничего не слышал и не понимал. Рядом в трехместной палате лежал с широко раскрытыми глазами Серега и жадно ловил каждое слово бредившего моториста. Здесь же был и Олег, покорный, без кровинки в лице, и матрос «Тайменя» худой парень, на вид интеллигент, с матовым лицом аристократа. У него заболело сердце, но вел он себя бойко, был говорлив и на качку не реагировал.

— Так, говорите, досталось вам?— спрашивал он поминутно у Сереги и Олега.

— Было,— отвечал Олег и гремел тазом под кроватью. Его часто тошнило, но желудок был пуст, поэтому он только плевал в таз и потом лизал лимон.

Позаботились и о Сереге. Женщины из их бригады распутки нажарили огромную чашку крабового мяса и принесли ему, но он не ел, тупо глядел на чашку и часто вздыхал. Зато жареные крабы пришлось по вкусу парню с больным сердцем. Его звали Андрей.

— Скажи мне,— спрашивал Андрей у Сереги,— почему от краба у мужиков ноги мерзнут? А на женщин как он действует?

Сергей молчал. Андрей рассмеялся, по душе ему пришлось «тонкое» замечание о крабе и о его действии на сильный пол.

— Тебе, брат, сама Алка лимон приволокла. Небось из капитанских запасов взяла, наш-то ведь любит чаек,

коньяк с лимоном, Принесла тебе, как герою, а ты Олегу отдал и крабца жареного не ешь, а выйдешь из лазарета, Алка— тут как тут, но у тебя сил не будет. Так что ешь крабца, чистый белок, и тогда на любовь потянет.

Сергеа молчал. Не треп Андрея его интересовал, а бред Василия Ивановича. Василий Иванович за переборкой кричал:

— Ребята, что стоите? Линь мне, линь... я ведь душу за него, душу...

И перед глазами Сергеа вновь возникли бушующие валы взбесившегося Охотского моря, среди которых одинокое, такое заметное оранжевое пятно, а рядом с ним второе — спасательный круг тоже оранжевого цвета. Потом — плачущий Василий Иванович, срывающий с себя телогрейку, сапоги. И вот он обвязывается вокруг пояса линем, хватает второй спасательный круг и прыгает за борт. Второй конец линя в руках Батаева, который стоял, широко раздвинув ноги и, оскалась как волк, стравливал линь и кричал ловцам, столпившимся у рубки:

— К скобе, к скобе привяжите твайну!

А он, Сергеа, тогда стоял на корме, уцепившись за бесполезный румпель, хотя тогда он еще не знал, что ударом волны уже сломало перо руля. В рубке переливал горючее из запасного бачка Костя и тоже торопился, ругался, как никогда, а потом крикнул Сергеа:

— Давай, пойдет сейчас!

И действительно, мотор ожил, заработал без перебоев, бот рванулся вперед, а Сергеа на румпель навалился, чтобы развернуть бот влево, но...

В иллюминатор над головой Сергеа кто-то осторожно постучал. Он нехотя открыл глаза и поднялся.

— Вот, опять Алка,— сказал Андрей,— к тебе, герой.

Алка принесла Сергеа бутылку, на дне которой было граммов сто пятьдесят столичной. Видно, еще береговая водка. Он вспомнил, как он раза два на танцах приглашал ее, а потом она, дурачась, как-то несерьезно стала приглашать его к себе в гости, в свою каюту. И тогда сказала, подмигивая и краснея: «Водка есть, а

девчонки в заводе...»

— Чего тебе?— негромко спросил Сергеа, отвинчивая барашки иллюминатора.

Она зашептала, оглядываясь, но темно и пусто было по левому борту:

— Хочешь выпить? Бери, у меня еще есть.

— Не надо, уходи!

— Тю, дурак,— сказал Андрей,— бери, сам не хочешь, я выпью.

Сергеа хлопнул иллюминатором, завинтил его, а там за стеклом осталось обиженное, милое лицо Алки.

— Тю, дурак,— повторил Андрей.

Сергеа разозлился, хотя он ни на кого не имел права злиться, только разве на себя, сказал:

— Заткнись!

И он вновь начал вспоминать, восстанавливать в памяти то, как они с Карповичем стояли на корме и вдвоем держали румпель, который вырывался у них из рук, бил в бока, но они не сдавались. Им нужно было удержать бот до тех пор, пока Василий Иванович и Костя не сменят в баке мотора горючее. Сергеа вспомнил покрытое солью, словно инеем, лицо старшины, его крупные глаза, в которых была, как ему теперь кажется, предсмертная мука или нечеловеческая усталость, и его толстые губы. А потом их все же развернуло бортом к волнам. «Быстрее!» — хрипло крикнул Карпович в рубку, а до этого он молчал, даже командовал знаками, и его хорошо понимали ловцы.

И вот волна ударила в корму, в перо руля и накрыла их с головой. Старшина успел рвануть румпель на себя так, чтобы удар волны пришелся на перо косо. Он все время боялся, что перо может отломить. Но он успел предупредить удар, но сам поскользнулся на палубе и, выпустив румпель из рук, взмахнул руками, опрокидываясь на спину за борт. В последний момент его правая рука успела цепко схватить за воротник Сергеиной куртки. Сергеа захрипел, перегнувшись через румпель и, обняв румпель руками, и... нет, не может быть, чтобы он, Сергеа, схватил зубами руку старшины и сильно укусил ее? И все же он укусил, иначе

Карпович не выпустил бы из рук его воротник и удержался бы на боте, не упал бы в море.

Серегу упал в подушку лицом вниз и зарыдал, полный презрения, ненависти к себе и страхась грядущих дней, когда тот же Олег, тот же Костя и другие очнутся от перенесенных мук, вспомнят все, и флотилия узнает, какая он, Серегу, сволочь, какой он гад. Но и в истерике его мозг продолжал лихорадочно работать: «А может, этого никто не видел? Может, найдут Карповича? Ведь его ищут все суда экспедиции несмотря на шторм. Всюду гудят траулеры, плавбазы, шарят в волнах прожекторами. Как хорошо было бы, если бы нашли, как хорошо было бы... Но нас вытащили на «Абашу» и никто не сказал мне плохого слова, никто из ребят».

Серегу тронул за плечо Андрей, сказал:

— Чего ты уже пятый раз в слезы? Баба ты, что ли? Ну, спаслись вы, радоваться надо, значит, еще поживешь, не пришел твой черед. Вот вашему старшине пришел черед, и все тут! Ищут его, а что искать? Тут не южные моря. Не вытащили тебя из воды по-быстрому, считай, что уже на том свете ты, хоть и живой ты еще и болтаешься на волнах.

— Не тронь его,— слабым голосом сказал Олег,— не видишь, что нервы у человека сдали.

Андрей покрутил головой и вновь навалился на жареных крабов, чтобы у него чаще мерзли ноги...

Поздно утром следующего дня завлов Валерий Иванович и председатель судкома Петрович спустились вниз в десятую каюту. Они постучали в дверь, им никто не ответил.

— Неужели до сих пор спят?— сказал завлов, пошатываясь, растопырив руки и упираясь ими в переборки, а старый моряк стоял крепко. Ему качка была нипочем, не первый и не последний шторм в его жизни.

— Да я этого худенького... белоруса в столовой на завтраке видел,— сказал Петрович.

— А-а, Костю Ильющиц. Знаете, мне таких бы сотню в ловцы. Горя не знал

бы!

— Они все белорусы работающие, неутомимые,— подтвердил председатель судкома,— из них добрые моряки получают.

Валерий Иванович оторвал правую руку от переборки, а тут судно круто накренилось на левый борт, и он вместо того, чтобы вторично постучать в дверь, смаху толкнул ее, и она легко отворилась. Каюта была пустая. В ней было накурено, на столе стояла большая пластмассовая банка с пробкой, наполовину с кулагой.

— Вот черти,— сказал Петрович, откручивая пробку и нюхая содержимое.— Брага. Ну, мы ее...

Он оглянулся, подмигнул завлову, мол, мы знать ничего не знаем и простим человеческие слабости людям, которые были на краю гибели. Затем он сунул банку в угол около дивана, прикрыл ее старой телогрейкой и уселся на стул. Завлов хотел сесть на диван, но он был влажный, сырой. За иллюминаторами клубилась вода, била в стекла и находила невидимые щели, просачивалась в каюту. Завлов подумал и сел на заправленную койку моториста Василия Ивановича. Тут дверь отворилась, и вошел голый до пояса с полотенцем и с мылом в руках Вася Батаев. Он не ожидал увидеть в каюте начальство, а увидев его, смутился и метнул быстрый взгляд на стол, успокоился, потому что на столе ничего не было.

— А Ильющиц где? — спросил завлов сурово. Ему хотелось сделать внушение и за брагу. Как-никак он ее лично видел, и нельзя же потакать! Но промолчал, вспомнив, как заботливо спрятал ее в угол Петрович.

— В лазарет пошел хлопцев проведать,— ответил Батаев, который с тоской кружил по каюте и не понимал, куда делась банка? Но вот он толкнул ее ногой в углу и повеселел. На ней телогрейка, не видно, это хорошо.

— Не убрано у вас тут,— сказал председатель судком а и поморщился; а глаза у него улыбались.— Вон фуфайка черт знает где валяется. Рундуков, что ли, нет? Иллюминаторы текут... да вижу, что барашки завинчены до конца. Прокладки

надо новые, у боцмана возьмите.

Батаев схватил телогрейку в охапку так, чтобы и банку не выронить, и сунул ее в рундук, облегченно вздохнул и сел на свою койку. Зачем они пришли? Может, Карповича нашли? Но его мысли как бы угадал завлов Валерий Иванович и сказал с тоской:

— Не нашли еще вашего старшину. Но найдем. Живого или мертвого найдем.

Вася подумал, что живого, наверно, уже не видать Женьку, и у него защемило сердце.

— Будем надеяться, что найдем Карповича живым,— продолжал говорить Валерий Иванович,— в жизни всякое бывает. Может, его японцы подобрали или колхозники, или... в общем, не все еще потеряно и не будем его хоронить заранее. Но нам хотелось бы знать, при каких обстоятельствах он упал за борт?

— Я этого не видел,— осторожно сказал Батаев,— вы других спросите. Сергея спросите, они вместе на корме были.

— Да говорили уже кое с кем. Рассказали, что знают. Вот и ты расскажи.

— Я за рубкой был, гляжу — Женька за бортом что-то кричит и рукой нам то ли грозит, то ли показывает на что-то. А Сергей просто остолбенел на корме, лицо в крови и бледный стоит.

— Так,— перебил его председатель судкома,— растерялся, значит, помощник старшины. Это бывает. А до этого что было? Страх, паника среди экипажа была?

— Нет. Никто не боялся шторма, да и не сильный-он был. Когда облегчали бот, Сергей в сетях запутался и чуть не вывалился за борт. Его Ильющиц успел за ноги схватить. Схватил, а их обоих потянуло, но тут, значит, мы всем экипажем не дали. Еще смеялись, шутили. Сергей только испугался, дрожит весь, вода из него... кто-то говорит, надо ему из аварийного на поправку. Костя пошел на корму к Карповичу, а Карпович так громко: «Что, мы терпим бедствие? Через полчаса будем на базе, а там парная и...»

Батаев не сказал про кулагу, которую вскором посулил старшина. Оборвал себя на слове и развел руками. А тут дверь

отворилась, зашел Костя, поздоровался, и разговор зашел о тех, кто в лазарете.

— Василий Иванович пришел в себя, уколы делают ему,— сказал Костя,— а он спирту у врачей клянчит. Олег — нормально, а Серега как сыч, разговаривать не хочет. Переживает. Только и спросил, нашли Женьку или нет?

— Вы извините, товарищ Ильющиц,— сказал официально председатель судкома, белоголовый красивый старик,— мы тут беседуем о том, как Карпович за борт упал. Вы добавьте, что видели?

— Ничего не видел,— ответил Костя,— я в рубке с Василием Ивановичем горячее менял. А что и видеть, смыло волной, и все тут. Неожиданно получилось, только слышу, шум наверху, Батаев на Серегу кричит: «Круг бросай, бросай круг!»

— Он бросил?— спросил завлов.

— Ага, бросил, а потом Василий Иванович из рубки выскочил и в воду бросился, но я этого не видел. Мне Батаев запретил из рубки вы ходить. Серега ведь растерялся, да и какой из него помстаршины! Батаев стал за старшего, и он мне велел продолжать менять горячее, быть за моториста.

— А зачем вы меняли горячее?

— Как зачем? У нас же ведь мотор того... вы знаете. Я Карповичу сказал, вода, наверно, попала, а у Василия Ивановича канистра с запасным горючим была. Вот старшина и велел нам, пока шторм не разгулялся, сменить горячее. Меня послал помогать Василию Ивановичу, Серегу — к себе на корму румпель держать. Один Женька уже не мог, устал, и когда двое, надежнее. Бот дрейфовал, а мы по-быстрому слили старое горючее и заправились новым из канистры.

— Это вы не дали Сергею за борт упасть?— спросил Петрович.

Костя смутился, не любил он свое геройство выставлять. Ответил:

— Чего не дал? За ноги схватил, и все тут.

— А потом пошли к старшине на корму, чтобы он разрешил вскрыть аварийный запас. Так? Вы решили, что ситуация аварийная, что терпите бедствие и

испугались?

— Я?— воскликнул Костя.— Да вы что? Мне только на «Абаше» страшно стало, только тогда и подумал: «Гляди, а мы ведь чуть того...» У нас никто не испугался шторма. Штормит, качает и ладно, про плохое никто не думал.

— Значит, героями себя вели?

— Какой там героями! Обычно, как всегда. На работе, можно сказать, были. Серега только... да и он просто перепугался, воды наглотался, когда в сетях запутался. Но тут — любой! И он быстро в себя пришел, особенно после тубика с этим... как его, вкусная такая штука, крепкая!

— Попробовали, значит, и вы,— укоризненно сказал Петрович,— И понравилась?

Костя опустил глаза. Вот, елки-палки, проговорился! Но его выручил Батаев:

— Тут я виноват. Женя разрешил один тубик для Сергея взять, а мы взяли два. Я вскрывал аварийный запас, хлопцы окружили... всем хотелось, знаете, просто. Никто в жизни не пробовал, и тут случай. Я и сказал: «Один Сереге, а один на всех». Каждому досталось граммов по десять. Остальное, можете проверить, целое.

— А пачка галет?— уныло сказал Костя, который сам и съел эту пачку, потому что ему тогда ужасно хотелось заморить хоть чем-либо «червяка».

— Да,— сказал Батаев,— еще пачки галет в аварийном не хватает. Тоже я разрешил. И 'это моя вина.

— Я думаю,— заметил с улыбкой Петрович,— что мы с Валерием Ивановичем это вам простим, товарищ Батаев, хотя вы слишком часто брали на' себя инициативу. Командовать, наверное, любите?

— Мы отвлеклись,— сказал зав-лов, думая, что все эти расспросы ни к чему. Оно и сразу было ясно, что в падении старшины за борт никто не виноват, кроме его самого. Да и он не столько виноват, просто случай?— Вот упал Карпович за борт, а вы его не спасли.

— Спасали,— одновременно сказали Костя и Вася.

— По одному говорите. Впрочем, вы, Ильющец, в рубке сидели, а спасением Карповича, как мы поняли, взялся руководить Батаев, Давайте, Батаев, все подробно изложите.

— Я уже говорил, когда старшина падал, я этого не видел. Увидел его в воде, метрах в пятнадцати от борта. Он что-то кричал, махал руками, наверное, хотел, чтобы ему быстрее круг кинули и линь, а Сергей остолбенел. Тогда я крикнул ему, мол, бросай круг, и сам побежал на корму. Сергей круг уже бросил, но так неловко, в сторону бросил, а Женю относит и относит от борта. Я линь кидал несколько раз, только... Тут Василий Иванович из рубки поднялся, снял сапоги, ватник, обвязался линем и прыгнул в воду. Он хорошо плавает. Отплыл на весь линь, а до Карповича не хватило. Я стал бояться, что оба в море останутся, и велел хлопцам вытаскивать Василия Ивановича. А в рубке Костя залил новое горючее и завел мотор, но... конечно, если бы перо нам не отбило бы, мы подошли бы к Карповичу и спасли бы его...

— А до того, как Карповичу упасть за борт, перо целое было, точно?— спросил председатель суд-кома.

— Целое,— ответил Батаев с тяжелым вздохом.— Его, пока мы возились, отломило. Нет, это надо такое! Из чего их делают, что они ломаются то и дело?

— Все ясно,— докладывал Валерий Иванович капитану, в салоне которого кроме Петровича сидела старпом, помполит и инженер по технике безопасности,— несчастный случай, и только. Экипаж во главе с Батаевым вел себя достойно и сделал все, что было в их силах. Однако они и сами терпели бедствие: вначале мотор не работал, затем бот стал неуправляемым. Моторист, тот своей жизнью рисковал, пытаюсь спасти товарища...

Илья Ефремович сидел, опустив голову, крепко сжав в замок пухлые руки, и в голове у него было пусто, на душе беспокойно.

— Хороший был мужик, Карпович,— сказал старпом и глянул в иллюминатор, где продолжало бесноваться

коварное Охотское море.

— Вы его рано хороните,— резко возразил председатель судкома.— Я лично продолжаю надеяться!

Но и он знал, что надежда с каждым часом уменьшается. Шансов на то, что Карпович живой, осталось немыслимо мало. И даже не шансов, не шанс осталось, а миллионная доля шанса. С японцами уже связывались по радио. У них нет, они горячо восприняли горе флотилии, тоже включились в поиски. Шарили по волнам прожекторы, гудели суда, сотни и сотни глаз смотрели, смотрят и будут смотреть в надежде увидеть человека за бортом. До тех пор, пока не найдут хотя бы тело... а может, найдут и живого? Многие колхозные сейнеры укрылись в маленьких бухточках, в устьях речек и пережидают шторм. Может, кто-либо из них спас старшину семерки, но их не спросишь, со всеми по радию не свяжешься, хотя давно носится по эфиру скорбная весть: терпел аварию в начале шторма бот № 7 и с него смыло волной человека.

— Экипаж семерки,— сказал помполит, записывая что-то себе в блокнот,— проявил несомненное мужество в очень трудных условиях. Ловцы повели себя как подобает советским людям, не испугались шторма, не бросились, в панику даже тогда, когда лишились старшины. Руководство на себя взял матрос-коммунист Василий Батаев. Коммунист, это знаменательно, товарищи! Вы, Илья Ефремович, не будете возражать, если я дам радио грамму слов на сто во Владивосток в газету?

— Что вы,— пожал плечами капитан,— хотя и есть распоряжение не злоупотреблять радиограммами неслужебного свойства, но я надеюсь...

— Это особый случай,— веско сказал помполит и обвел присутствующих требовательным взглядом. Все согласно закивали головами.— Да и в нашу экспедиционную многотиражку надо написать. Скажем, вы, Петрович!

Председатель судкома даже зажмурился, не любил он сочинять доклады, а заметки в газету и подавно, но спорить не стал.

— А Батаева надо иметь в виду,— сказал старпом, красивый, уверенный, со шрамом на левой щеке,— видать, волевой матрос, организатор!

— Да,— кивнул головой Валерий Иванович и чуть не сказал, что уже думал об этом, и планирует Батаева старшиной вместо Карповича, Костю помощником вместо Сереги, который, конечно, оказался слабоват...

А в это время Серега в лазарете принял твердое решение.

— У тебя есть бумага и конверт?— спросил он у Андрея.

— Есть, а что?

— Дай.

Андрей не стал больше ничего спрашивать, и полез в тумбочку и вытащил оттуда нужное.

— И авторучку,— сказал Серега. Он сразу почувствовал себя лучше, когда решение было принято. Он почувствовал к себе уважение, даже некое чувство гордости у него появилось: мол, не слабый я, могу и так, бесстрашно, прямо. Он не хотел и думать об уловке, которую себе изобрел, и в ней нашел плюс. Одно дело слова, другое дело — написанное на бумаге. Это документ! Все в нем, как на духу, искренне, без попыток оправдаться. И главный ему судья, в конечном счете, только Карпович. Ему отдаст Серега письмо, если Карпович останется жив. И пусть старшина поступает, как ему угодно. Хочет — простит, и все происшедшее останется между ними. Хочет — пусть огласит хоть на всю флотилию, Серега стерпит, не обидится, он рассчитывает на благородство Женьки, замечательного человека, с которого он всегда брал пример, учился у него и восхищался им.

Ну, а если... если Женя погиб, то письмо он отдаст в руки завлоа или капитана, но не сейчас. Сейчас пусть письмо-документ лежит в тумбочке и ждет своего часа. Серега представил себе самую худшую для себя ситуацию: вот входит тот, кто все видел и кто уже рассказывает или расскажет экипажу семерки, как все было. Теперь он, Серега, не побледнеет, не забьется у него от волнения сердце, как это случилось, когда утром приходил Костя.

Он будет лежать спокойно, без кровинки в лице, больной, измученный. И когда его начнут разоблачать, упрекать, он молча вытащит конверт и отдаст им, быть может, скажет: «Простите, хлопцы. Недостоин я вас, и как только меня выпишут из лазарета, уйду с флотилии».

Серегино воображение работало уже вовсю и рисовало одну картину за другой. Вот он на берегу Камчатки, угрюмый, сосредоточенный, бредет по тайге, работает как черт, спит где попало и вызывает всеобщее любопытство некоей тайной, которую носит в себе. Он бородат, у него сильные добрые, как у покойного старшины, руки. Малопослушными пальцами он пересчитывает деньги, которые только что получил, и делает, как обычно, перевод во Владивосток жене Карповича Насте. Она получает деньги каждый раз и не знает от кого. И никогда не будет знать...

И так он размышлял, что его лицо порозовело, и на губах появилась улыбка, которая быстро исчезла, когда в палату вошла жена штурмана Базалевича, вооруженная шприцами и ампулами.

— Сережа, готовьте попу?

— А может, в руку?— попросил он жалобно.

— Главврач велел только в попу.

Шторм стал утихать к вечеру. Циклоны, сибирский и японский, объединив свои усилия, покинули Охотское море и Камчатку и умчались на Магадан, где к нему уже были готовы оленеводы. Магаданское радио передавало: «С юго-запада пришла в наши суровые края невиданная буря, но магаданцы к ней подготовились...»

А наутро тишина окутала западное побережье Камчатки и море. Но море еще грозно вздыхало, гигантский накат продолжал качать суда краболовов. Поэтому с утра мотоботы в воду не смайнали. Смайнали в обед, и вновь пошли утлые суденышки на свои поля собирать улов. Однако многие не досчитались своих сетей. Шторм их изорвал, разметал, выкинул на берег. Многотерпеливые ловцы не плакались, не жалели, вирали лебедками остатки сетей и били краба, складывали улов в трюмы и отвозили на свои

плавзаводы.

Женю Карповича, опутанного сетями, нашли японские рыбаки. Они все знали о трагедии, происшедшей на одной из советских флотилий, бережно вытащили тело старшины, и одна из японских кавасаки в скорбном молчании пошла с покойником к русской плавбазе...

Сереге, когда все узнал, долго бился и рыдал на руках Кости и Васи, а потом ему сделали укол, он успокоился и тихо, незаметно заснул. Ему снились кошмары, снова шторм и живой Карпович, которому он почему-то целует руки и тайно, что» бы не заметил старшина, смотрит на руки, есть ли на них укус? А руки старшины были целые, крепкие, мозолистые и теплые, такие добрые. Это он видел удивительно хорошо, словно наяву, и так ему стало легко на душе, что он заплакал и проснулся в слезах. Голова была светлой и ясной, и вдруг ему стало понятно, не руку он укусил старшине. Не было этого, но почему же он так четко и сейчас чувствует солоноватый вкус крови, то, как во что-то впились его крепкие зубы?

Сереге поднялся на кровати. В палате было темно, спали Олег и Андрей, в иллюминаторы заглядывала рыхлая камчатская луна. Там, за иллюминатором, по левому борту проходили печальные люди, разваривали между собой, И он необычайно обострившимся слухом услышал, узнал, что они возвращаются с гражданской панихиды, что тело Карповича, с которым все попрощались, лежит одинокое в Красном уголке. Он узнал, что завтра смайнают двенадцатый резервный бот, и мертвого Карповича навсегда увезут на камчатский берег в сопровождении врача и Насти. На берегу уже готов цинковый гроб — последнее убежище старшины — и в нем он совершит свое последнее плавание домой, на материк.

Сереге тронул пальцами свое мокрое от недавних слез лицо, дотронулся до нижней губы, и вдруг догадка обожгла его сознание. Вот оно в чем дело, он тогда в шторм укусил не руку старшины, а свою губу. Подвело у парня воображение...

Но он боялся в это поверить, он так

свыкся со своей виной, что она стала частью его, наполнила душу и жгла ее хуже, чем огнем. Он потихоньку встал, надел больничные одежды, накинул халат и вышел из палаты. В судовом лазарете два входа: один, обычно открытый, со стороны столовой, другой — напротив, ведущий на палубу ко второму номеру трюма. И он не стал рисковать, пошел к запасному выходу, как можно осторожнее открыл его и выскользнул из лазарета, поднялся по трапу на палубу. Палуба была пустынная, залитая мертвым, каким-то зеленоватым светом луны. Блестело море, которое он ненавидел за жестокость, но уже не боялся его. Внизу работал завод, лилась вода в море с завода, и вместе с нею различные отбросы текли на радость бычкам и чайкам. Чайки кричали тоскливо, как одинокие бездомные кошки.

Сергея шел на корму глухими местами, старался, чтобы его никто не увидел. Он жаждал убедиться своими глазами в том, что было правдой. И не чувствовал холода, скользил ногами по масляным ступеням трапа около машинного отделения, и сердце его отчаянно колотилось.

На корме он чуть не столкнулся с беззаботной парочкой, стоявшей в тени около запасного винта. Девушка в объятиях парня самозабвенно лепетала:

— Митя, Митенька, любимый мой!

Сергею стало очень больно, обидно, что в такую ночь, когда все должно застыть в горе и печали, потому что нет и никогда не будет Женьки Карповича, люди как-то легкомысленно целуются, говорят слова любви. Но эта обида прошла, когда он вошел в темный коридор, ведущий к дверям Красного уголка. Возник у него страх, ноги стали малопослушными. Он вспомнил свою умершую бабушку и то, как он боялся долгое время входить в комнату, где она лежала мертвая. И подумал он о том, что никогда еще в своей жизни не видел умерших.

Так он, размышляя обрывочно, хаотично, простоял минут пять и затем решительно двинулся вперед, не представляя себе то, как он будет смотреть на погибшего товарища и как он на прощанье поцелует его безжизненные, а

недавно такие сильные и добрые руки.

В Красном уголке был полумрак, светила лишь одна лампочка около трибуны. Стол с гробом стоял в-центре, около него кто-то был. Серега замер и вдруг услышал напев, словно как бы колыбельной песни, которую не поют, а мычат сквозь зубы.

И затем — голос Насти, который монотонно спрашивал:

— Кого я теперь буду ждать, кого ждать?

— Боцману на бак! — раздалась властная команда из динамика, и она разбудила смертельно уставшего Костю. Он подскочил на койке, подумал: «На южное поле пришли, скоро подъем». И стал будить товарищей. Те просыпались неохотно...

Начинался новый день крабовой путины.